

Юстин

ЭПИТОМА СОЧИНЕНИЯ ПОМПЕЯ ТРОГІА
«HISTORIAE PHILIPPICAE»¹

Перевод А. А. Деконского и М. И. Рижского
под ред. М. Е. Грабарь-Пассек

Комментарий Э. Л. Казакевич и М. И. Рижского

ПРЕДИСЛОВИЕ

Многие из римлян, [в том числе] даже люди, имевшие консульское звание, излагали деяния народа римского на чужом [для них] греческом языке. То ли соперничая с этими римлянами в славе, а может быть, привлеченный разнообразием [содержания] и новизной задуманного труда, Помпей Трог, муж красноречием равный древним, изложил на латинском языке греческую и всемирную историю с тем, чтобы можно было прочесть на латинском языке о деяниях греков, подобно тому как читают по-гречески о наших деяниях. Поистине, он взялся за дело, требовавшее великой решимости и усилий. Ибо если большинство писателей, описывающих деяния (res gestas) отдельных царей или народов, считает свое дело очень трудным, то неужели мы не должны признать, что Помпей Трог, в сочинении которого заключены деяния всех веков, всех царей, всех племен и народов, [поистине] обладал отвагой Геракла, сделав предметом своего изучения весь круг земель? Ведь те события, которые множество греческих историков поделило между собой, каждый выбирал то, что ему нравилось, а все, что казалось малозначительным, опускал, — Помпей собрал воедино, расположив их по эпохам и в определенном порядке. Из этих сорока четырех книг (ибо ведь вот сколько он выпустил в свет) я на досуге, которым пользовался в Городе, извлек все, наиболее достойное внимания, и опустил то, что не могло ни доставить удовольствия при знакомстве [с ним], ни послужить полезным примером; я как бы собрал букет цветов, чтобы те, кто знает по-гречески, могли кое-что припомнить, а кто не знает — кое-чему научиться. Вручаю тебе свой труд не для того, чтобы поучать тебя, но чтобы ты его усовершенствовал. Хочу я также дать тебе отчет в том, на что я употребил свой досуг, в котором, как думает Катон, также надо отчитываться. В настоящее время мне достаточно одного твоего суждения [о моей работе], но, надеюсь, что потомство, когда ревнивое недоброжелательство окажется в прошлом, оценит мое трудолюбие.

КНИГА I

Гл. 1. (1) Изначала власть (imperiū) над племенами и народами находилась в руках царей, которых вознесло на такую высоту величия не заискивание перед народом, а умеренность (moderatio), признаваемая в них людьми благомыслящими (inter

¹ В основу перевода положен латинский текст, изданный Ruchl'em: M. Iuniani Iustini Epitoma Historiarum Philippicarum Pompei Trogi. Lipsiae, MDCCCLXXXVI.

bonos). (2) Народы не были связаны тогда никакими законами: решения правителей заменяли законы. (3) В те времена было более в обычае охранять пределы своих владений (imperii), чем расширять их: для каждого царство его ограничивалось пределами его родины. (4) Царь ассирийский Нин¹, движимый жаждой власти (imperii), первый изменил этому древнему обычаю, как будто прирожденному всем народам. (5) Он первый начал вести войны с соседями и покорил еще не привыкшие к сопротивлению народы до самых пределов Либии². (6) Были, правда, и в более древние времена царь египетский Везосис³ и Танай⁴, царь Скифии: первый из них дошел походом до Понта, второй — до Египта. (7) Но воевали они не с соседями, а в далеких странах, и, довольствуясь победами, искали не власти (imperium) для себя, а славы для своих народов. Нин же стремился к господству и сделал покоренные им обширные области своим постоянным владением. (8) Покорив ближайших соседей и тем самым увеличив свои силы, он более смело приступил к покорению других, и так как каждая предшествующая победа служила ему орудием для последующей, он в конце концов подчинил себе народы всего Востока. (9) Последней его войной была война с бактрийским царем Зороастром⁵, который, как говорят, первый изобрел искусство магии, а также с величайшим усердием изучал начала мпроздания и движение небесных светил. (10) Убив Зороастра, Нин умер и сам, оставив малолетнего сына Нина и жену Семирамиду.

Гл. 2. (1) Семирамида⁶ не осмелилась ни передать власть подростку, ни сама открыто взять на себя управление столь многими и столь великими народами, которые, едва-едва подчиняясь даже мужчине, конечно, не стали бы подчиняться женщине. Поэтому она, будучи женой Нина, выдала себя за его сына и, будучи женщиной, — за мальчика. (2) [Это удалось] потому, что и мать и сын были роста среднего, голос у обоих был одинаково нежный, да и черты лица были схожи. (3) Руки до плеч и ноги до колен она закрыла широким покрывалом, а на голову надела тиару. Чтобы не стали подозревать, не скрывается ли нечто под этим новым видом одеяния, она приказала всем носить такой же наряд, и с той поры такую одежду носит весь этот народ. (4) Так в начале своего правления она скрыла свой пол, и ее стали считать юношей. (5) Впоследствии она совершила великие деяния, и, когда сочла, что величием она победила зависть, она открыла, кто она и за кого она себя выдавала. (6) Это [признание] не только не лишило ее царского достоинства, но умножило ее славу, так как, будучи женщиной, она не только жен, но и мужей превзошла своими доблестями. (7) Она основала Вавилон и окружила этот город стеной, сложенной из кирпичей, укрепленных

¹ Легендарный персонаж, встречается только в произведениях античных авторов и совершенно отсутствует в ассирийских источниках. Предание о Нине, очевидно, этимологического происхождения (Нин как основатель Ниневии).

² Либия, т. е. Северная Африка, исключая Египет.

³ Везосис — одна из позднелатинских форм произношения имени Сесострис. Полулегендарный образ Сесостриса в античной традиции соединяет черты Сепусерта III (XII династия) и Рамсеса II (XIX династия). Поход Сесостриса в Европу до Понта вымышлен.

⁴ Танай — имя, связанное, очевидно, с названием реки Танаис (Дон).

⁵ В рассказе Юстина отразилась легендарная традиция о пророке Зороастре (грекеская форма имени Заратуштра), которому предание приписывает создание религии древних народов Средней Азии, Ирана, Азербайджана — зороастризма. Указание Юстина на бактрийское происхождение Зороастра интересно в связи с вопросом о том, в каких областях зарождался зороастризм.

⁶ Прообразом Семирамиды была ассирийская царица Шаммурамат, жившая в IX—VIII вв. до н. э. Античная историография смешала Шаммурамат с мидийской царевной, женой Навуходоносора, для которой последний соорудил знаменитые «висячие сады». В рассказе Помпея Трога о Семирамиде отразился исторически достоверный факт: регентство Шаммурамат до совершеннолетия ее сына Адад-нирари. Источниками Трога в его повествовании о Семирамиде послужили Ктесий, использованный также Диодором (II, 4—20), и некоторые другие авторы.

вместо песка горной смолой: в тех краях это вещество в раскаленном состоянии вырывается из земли то тут, то там. (8) Много и других славных дел совершила эта царица: не довольствуясь сохранением земель, завоеванных ее мужем, она присоединила к своей державе еще и Эфионию. (9) Воевала она и с Индией, куда, кроме нее и Александра Великого, не проникал никто. (10) Наконец, когда она стала стремиться вступить в связь с собственным сыном, она была убита им после сорока двух лет царствования, истекших со смерти Нина. (11) Сын ее Нин¹ довольствовался державой (*imperiū*), созданной с таким трудом его родителями, оставил всякое попечение о военных делах, редко показывался мужчинам и, как бы поменявшись полом со своей матерью, составил, окруженный женщинами. (12) Последующие цари, следуя этому примеру, перепоручали тоже народу свои решения через посредников. (13) Ассирияне, которых впоследствии стали называть сирийцами, удерживали власть (*imperium*) в своих руках 1300 лет.

Гл. 3. (1) Последним царствовал у них Сардапанал², мужчина более изнеженный, чем любая женщина. (2) Когда мидийский наместник его, Арбакт³ по имени, с большим трудом едва добился лицезрения царя, — что до него никому не разрешалось, — то нашел его в толпе наложниц; царь в женском облике сучил пурпурную нить и между девушками распределял по весу [для работы] шерсть, превосходя при этом изнеженностью тела и похотливостью взглядов всех окружавших его женщин. (3) Увидя это, Арбакт, возмущенный тем, что такое множество мужей подчиняется такой бабе и что посягающие панцырь и оружие служат тому, кто возится с шерстью, пошел к своим сотоварищам и рассказал о том, что видел. Он сказал, что не может подчиняться человеку, который предпочитает быть женщиной, а не мужчиной. (4) Возник заговор; против Сардапанала началась война. Когда он узнал об этом, он поступил не как муж, готовый защищать свое право на царство, а прежде всего стал искать место, где бы укрыться, — как обыкновенно делают женщины из страха перед смертью, — но потом все же выступил в поход с небольшим и неслаженным отрядом. (5) Победенный, он возвратился в свой дворец, приказал сложить и зажечь костер и спалил в пламени и себя самого и свои сокровища, единственный раз поступив как мужчина. (6) После него царем стал вишовник его гибели Арбакт, ранее бывший мидийским наместником. С ним верховная власть перешла от ассирийцев к мидянам.

Гл. 4⁴ (1) Затем после многих царей царская власть перешла в порядке наследования к Астиагу. (2) Этот [царь] увидел во сне, что из чрева его единственной дочери произросла виноградная лоза, которая ветвями своими осенила всю Азию. (3) Он посоветовался с толкователями снов, которые ответили, что от дочери будет у него внук; сон предвещает Астиагову внуку величие, а также то, что этому внуку суждено лишить его, Астиага, власти. (4) Напуганный этим предсказанием, он выдал свою дочь замуж за человека незнатного и даже не за соплеменника, а за человека незначительного, из мало известного в то время племени персов — Камбиса, чтобы [будущий] внук не мог возгордиться благородством происхождения и со стороны отца и со стороны матери. (5) Но даже и после этого царь не вполне избавился от опасений, внушенных ему

¹ В других рукописях — Ниния. В ассирийских надписях не упоминается; повидимому, лицо не историческое.

² Сардапанал — лицо не историческое.

³ Арбакт — также персонаж легендарный. Ср. D i o d., II, 24 слл.

⁴ Расхождения между авторами, сообщающими о рождении и детстве Кира (Геродот, Ктесий, Помпей Трог), довольно существенны. Трог, повидимому, использовал первые два источника и дополнительно еще какой-то третий. История детства Кира, первые два источника и дополнительно еще какой-то третий. История детства Кира, несомненно, легендарна и насыщена так называемыми «бродячими мотивами». Наприм., рассказ о чудесном спасении младенца перекликается с легендой о детстве Саргона I, с библейским рассказом о Моисее, с легендой о Ромуле и Реме и др. Кир был сыном Камбиса, внуком Кира. И отец и дед его были царями Аншана, области Элама; они признали над собой верховную власть мидийских царей. От этой зависимости избавился Кир.

сновидением, и когда его дочь забеременела, он вызвал ее к себе, чтобы новорожденный был убит на глазах у деда. (6) Когда ребенок родился, его отдали другу царя и поверенному царских тайн Гарпагу с приказанием умертвить младенца. (7) Гарпаг опасался, что, если царская власть (*imperiū*) по смерти Астиага, не имевшего мужского потомства, перейдет к его дочери, царица, которая не могла отомстить за убийство ребенка своему отцу, отомстит за него царскому слуге. Поэтому Гарпаг отдал ребенка пастуху царских стад, с тем, чтобы тот его куда-нибудь выбросил. (8) Случилось так, что в это же время родился сын и у пастуха. (9) Жена его, узнав, что выбросили царского внука, стала умолять, чтобы он принес показать ей этого ребенка. (10) Одолеваемый ее просьбами, пастух вернулся в лес и нашел около мальчика суку, которая кормила его своими сосцами и защищала от диких зверей и хищных птиц. (11) Тронутый жалостью, которой, как он видел, прониклась даже собака, пастух понес мальчика в свое жилище, причем собака, встревоженная, побежала вслед за ним. (12) Когда жена пастуха взяла на руки ребенка, он улыбнулся ей так, словно узнал ее; он проявил такую живость и так смеялся, нежно ласкаясь к ней, что жена пастуха снова стала просить мужа, чтобы вместо этого мальчика он выбросил ее ребенка и позволил ей вскормить [приемыша]; может быть, она заботилась только о судьбе мальчика, а может быть, связывала с этим какие-то свои надежды. (13) Так малютки обменялись своими жребиями: одного стали воспитывать как сына пастуха, а другого выбросили вместо царского внука. Кормилицу стали потом называть Спакос, что значит по-персидски «собака».

Гл. 5. (1) Мальчик, живя среди пастухов, получил имя Кира. (2) Как-то раз во время игры ему выпало по жребию быть царем, и когда некоторые из детей стали своевольничать, он избил их кнутом. Родители наказанных пожаловались царю, негодуя на то, что дети свободных людей были, как рабы, избиты царским рабом. (3) Царь вызвал мальчика к себе и стал его расспрашивать; но Кир, ничуть не изменившись в лице, ответил, что поступил так, как подобает царю; Астиаг подивился его упорству и вспомнил о пророческом сне и его истолковании. (4) Семейное сходство, совпадение между возрастом Кира и временем, когда его выбросили, наконец признания пастуха — все это заставило Астиага узнать в мальчике своего внука. (5) Но так как он подумал, что он уже избавился от опасности, предвещенной сновидением, поскольку Кир уже стал «царем» среди пастухов, то он ограничился тем только, что укротил своеволие мальчика. (6) Но друга своего Гарпага царь возненавидел и в отмщение за то, что Гарпаг спас царского внука, Астиаг умертвил Гарпагова сына и его мясом угостил Гарпага на пиру. (7) Гарпаг скрыл свое горе и затаил в себе ненависть до того времени, когда представится случай отомстить. (8) Спустя некоторое время, когда Кир вырос, оспротевший Гарпаг написал ему, что Кир был сослан в Персию по воле деда, что дед приказал его убить еще в младенчестве, что только благодаря ему, Гарпагу, Кир спасся, что он, Гарпаг, этим оскорбил царя и за это потерял сына. (9) Гарпаг побуждал Кира готовить войско и идти прямым путем к царской власти, обещая, что мидяне перейдут на сторону Кира. (10) Это письмо нельзя было доставить Киру открыто, так как все дороги охранялись царской стражей. Поэтому письмо вложили в выпотрошенного зайца, а зайца передали верному рабу, с тем, чтобы тот доставил письмо Киру в Персию; а чтобы хитрость не обнаружилась, рабу дали сети, как будто он шел на охоту.

Гл. 6. (1) После того, как Кир прочитал это письмо, он в сновидении получил веление приступить к этому делу, а также указание, чтобы он для совершения задуманного взял себе в сообщники того, кто на следующий день первым попадется ему навстречу. (2) И вот, когда Кир вышел в предраусветный час, направляясь в поле, он встретил раба по имени Сибар из эргастула какого-то мидянина. (3) Расспросив Сибара о его происхождении и узнав, что он родился в Персии, Кир снял с Сибара оковы и вместе с ним вернулся в Персеполь. (4) Здесь он собрал народ и приказал всем немедленно явиться с топорами и вырубить лес, окружавший город. (5) Когда они быстро это исполнили, он пригласил их на завтра на приготовленный для них пир. (6) Затем, когда он во время этого пира увидел, что среди гостей его царит оживление, он задал им вопрос: «Если бы представилась возможность, какой род жизни они бы избрали:

трудиться, как вчера, или пировать, как сегодня?» Когда все закричали: «Пировать, как сегодня», — Кир сказал, что вся их жизнь будет подобна вчерашнему трудовому дню, пока они будут подчиняться мидянам; если же последуют за ним, их жизнь будет такова, как сегодняшней пир. (7) Все возликовали, и Кир выступил в поход против мидян¹. (8) Астиаг, забыв о своей вине перед Гарпагом, поручил ему верховное начальствование в этой войне. (9) Гарпаг же, как только принял войско, немедленно передался Кире и своим вероломством отметил царю за его жестокость. (10) Как только Астиаг услышал об этом, он немедленно отовсюду стянул к себе на помощь войска и сам повел их в Персию. Немедленно завязав сражение, он в то же время выстраивает часть войска в тылу сражающихся и приказывает: тех, кто побежит с поля сражения, гнать мечами на врагов, (11) причем предупреждает своих, что, если они не победят, то позади себя найдут не менее храбрых противников, чем перед собой. Пусть решают, которую из боевых линий им лучше прорвать, эту ли при бегстве или ту при наступлении². (12) Необходимость сражаться вдохнула в войско Астиага невероятную храбрость. (13) Когда под его напором персы стали мало-помалу отступать, навстречу им выбегают их матери и жены. Они умоляют воинов вернуться в сражение. (14) Так как те медлят, то они, поднимая одежды и показывая детородные части, спрашивают, уж не хотят ли они укрыться в утробах своих жен и матерей. (15) Смущенные такими позорными упреками, персы снова идут в бой и своим натиском обращают в бегство тех, от кого бежали. (16) В этом сражении Астиаг был взят в плен. Кир не причинил ему никакого вреда, кроме того, что лишил его власти, поступив с ним скорее как внук, а не как победитель. Он поставил деда во главе многочисленного племени гирканов, так как возвратиться в Мидию Астиаг сам не пожелал. Так закончилось господство мидян. Владычествовали они 350 лет.

Гл. 7 (1) В начале своего царствования Кир поставил во главе персов Сибара, участника своего начинания и помощника во всех делах, которого он, согласно велению, полученному в сновидении, тогда же освободил из эргастула, и выдал за Сибара замуж свою сестру. (2) Государства, которые ранее были данниками мидян, полагая, что с переменой власти (*imperiū*) изменилось и их положение, отложились от Кира; это стало для Кира причиной и началом многочисленных войн. (3) Когда же, наконец, большинство отложившихся было покорено, и Кир вел войну с вавилонянами, лидийский царь Крез³, который славился в то время своим огромным богатством, пришел вавилонянам на помощь. Побежденный, опасаясь за свою жизнь, он бежал в свое царство. (4) А Кир, после победы приведя в порядок дела в Вавилоне, перенес войну в Лидию. (5) Там он без всякого труда рассеял войско Креза, уже подавленное недавним поражением. Сам Крез был взят в плен⁴. (6) Но чем менее эта война была опасна для Кира, тем больше мягкости он проявил после победы. (7) Крезу была дарована жизнь, возвращена часть отцовских владений и отдан город Бара⁵, где он жил если и не совсем по-царски, то во всяком случае почти как царь. (8) Милосердие (*clementia*) Кира принесло победителю не меньшую пользу, чем побежденному. (9) Дело в том, что когда стало известно о войне против Креза, со всех концов Греции стали собираться отряды

¹ Как сообщают источники, Кир, царь страны Аншан, выступил против царя мидян Istumegu (Астиага) и нанес ему поражение. При этом Кир захватил в плен и самого Астиага.

² Ср. Dio d., IX, 23 (изд. Loeb'a).

³ Крез, царь Лидии, из династии Мермнадов, правил с 560 по 546 г. до н. э.

⁴ В подробностях о дальнейшей судьбе Креза источники расходятся. По данным клинописных источников, а также Евсевия Армянского, Кир, захватив Креза, казнил его. Согласно греческой традиции, нашедшей отражение у Геродота (I, 88), Ксенофонта (Суг., VII, 2), Плутарха (Solon, 28), Кир в отношении Креза проявил милосердие. Что касается Юстина, то его версия о судьбе Креза, несомненно, связана со стремлением показать значение *clementia*.

⁵ Большой город в Мидии, недалеко от Экбатаны. Ср. Ctes., Pers. 4.

на помощь Крезу, как будто для того, чтобы тушить угрожавший всем пожар¹. (10) Вот какой любовью пользовался Крез во всех [греческих] городах! И если бы Кир поступил с ним более жестоко, ему пришлось бы вести нелегкую войну с Грецией. (11) Спустя некоторое время, когда Кир был занят другими походами, лидийцы снова начали войну². (12) Они были вторично побеждены, у них отняли оружие и коней, и им было приказано содержать харчевни, заниматься актерским делом и сводничеством. (13) Так народ [лидийский], некогда могущественный благодаря трудолюбию и предпримчивости, привык к роскоши (*luxuria*) и распущенности, стал изнеженным и утратил свою былую доблесть; и те, кто до времени Кира не раз оказывались непобедимыми в походах, теперь, погрузившись в наслаждения, были побеждены бездельем и праздностью. (14) Много было в Лидии царей до Креза, заслуживающих упоминания по разным причинам, но ничья судьба не сравнима с судьбой Кандавла. (15) Этот царь, влюбленный в свою красавицу-жену, имел обыкновение восхвалять ее красоту перед всеми. Не удовлетворяясь молчаливым сознанием пережитых наслаждений, он рассказывал [всем] о своих брачных отношениях даже то, о чем следует умалчивать, (16) как будто его молчание пошло бы во вред красоте [его жены]. (17) Наконец, чтобы уверить в истине своих слов, он показал жену своему [приятелю] Гигу обнаженной. (18) Этим он и друга своего потолкнул на прелюбодеяние со своей женой и превратил его в своего врага, да и жену отвратил от себя, так как она полюбила другого. (19) Ибо спустя короткое время убийством Кандавла было заплачено за брак, и жена, принеся в приданое кровь мужа, передала и его царство и себя самое своему любовнику.

Гл. 8. (1) Покорив Азию и подчинив своей власти весь Восток, Кир пошел войной на скифов. (2) У скифов была в то время царица Тамирис³. Она не испугалась, как этого можно было ожидать от женщины, вражеского нашествия. Хотя Тамирис могла бы помешать переправе врагов через Оакс⁴, она дала им возможность переправиться, считая, что ей легче сражаться в пределах своего собственного царства, а врагам будет труднее спастись бегством через реку, преграждающую им путь. (3) Кир, переправив войско и углубившись на некоторое расстояние в Скифию, разбил лагерь. (4) На следующий день он притворился испуганным и покинул лагерь, как бы обратившись в бегство. В лагере же он оставил вдоволь вина и всего, что необходимо для устройства пир. (5) Когда об этом сообщили царице, она послала своего сына, еще юношу, с третьей частью своего войска преследовать врагов. (6) Войдя в лагерь Кира, не испытанный в военном деле юноша, словно пришедший на пир, а не на бой, забыл о врагах, позволил непривычным к вину варварам перениться, (7) и опьянение победило скифов раньше, чем оружие. (8) Ибо, узнав об этом, Кир ночью вернулся, напал на беспомощных [врагов] и перебил всех [бывших в лагере] скифов вместе с сыном царицы. (9) Потеряв такое войско и — что было для нее еще тяжелее — единственного сына, Тамирис не в слезах излила горе о своей потере, а искала утешение в отомщении и на коварство врагов, торжествовавших недавнюю победу, ответила таким же коварством. (10) Она прикинулась, будто не доверяет своим силам после постигшего ее удара, и, обратившись в бегство, заманила Кира в ущелье, (11) предварительно устроив в горах засаду; там она уничтожила 200 000 персов вместе с самим царем⁵. (12) Эта победа была еще тем замечательна, что не осталось даже вестника, который сообщил бы персам о таком страшном поражении. (13) Царица при-

¹ По Геродоту (I, 53, 69—70, 77, 83), только лакедемоняне обещали послать помощь Крезу, но опоздали.

² Ср. Нег., I, 154 слл.

³ У Геродота (I, 204 слл.) — Томирис; согласно Геродоту, противники Кира — массагеты; Страбон упоминает и саков и массагетов (XI, 8,5—6, стр. 512). Источниками Помпея Трога в этой части его труда были Геродот, Ктесий и, возможно, другие авторы (см. A. G u t s c h m i d, Kl. Schr., V, 56).

⁴ Т. е. Оке (Аму-Дарья).

⁵ Ср. Dio d., II, 44, 2. Погиб Кир, повидимому, летом 529 г. до н. э.

казала бросить отрезанную голову Кира в бурдюк, наполненный человеческой кровью, и такими словами осудила его жестокость: «Насыться же теперь,—сказала она,— кровью, которой ты всегда жаждал и которой никогда не мог насытиться». (14) Кир царствовал тридцать лет и широко прославился не только началом своего царствования, но и постоянными успехами в течение всего правления.

Гл. 9. (1) Ему наследовал его сын Камбис, который присоединил к державе отца Египет. (2) Презирая суеверие египтян, он приказал разрушить храм Аннса и храмы других богов. (3) Он послал также войско для захвата прославленного храма Аммона, но войско это погибло от бурь и песчаных заносов. (4) После этого¹ Камбис увидал во сне, что его брат Мергид² будет царствовать. (5) Испуганный этим сновидением, он не поколебался после святотатства совершить еще и братоубийство (parricidium). (6) Было бы странно, если бы пощадил своих близких человек, который, презирая религию, восстал против самих богов. (7) На выполнение этого столь жестокого поручения Камбис послал одного мага из числа своих друзей по имени Гомет³. (8) Сам же Камбис за это время был тяжело ранен в бедро мечом, выпавшим из ножен, и умер⁴, понеся кару то ли за замышленное братоубийство, то ли за совершенное святотатство. (9) Маг, узнав об этом раньше, чем есть о смерти царя распространилась, пошел на преступление: он убил Мергида, которому надлежало царствовать, а вместо него поставил своего брата Оропаста, (10) чрезвычайно похожего на Мергида и чертами лица и телосложением; а так как никто не подозревал обмана, то вместо Мергида царем стал Оропаст. (11) Все это было тем легче сохранить в тайне, что у персов особу царя, из-за преклонения перед царским величием, скрывают от народа. (12) К тому же маги, чтобы задобрить народ, на три года отменили сбор налогов и военный набор⁵, (13) стремясь снисхождением и щедростью закрепить за собой власть, захваченную обманом. (14) Прежде, чем всем другим, все это показалось подозрительным Остану⁶, человеку знатному, в высшей степени догадливому и проникательному. (15) Поэтому он через посредников спросил свою дочь, бывшую одной из царских наложниц, действительно ли царь — сын Кира. (16) Она отвечала, что «ни сама этого не знает, ни у какой-нибудь другой наложницы не может этого узнать, так как их запирают отдельно одну от другой». (17) Тогда Остан приказал дочери, когда царь заснет, ощупать его голову, ибо когда-то Камбис велел у этого мага отрезать оба уха. (18) Узнав от дочери, что у царя ушей нет, Остан рассказал об этом другим вельможам, убедил их убить самозванца и связал их священной клятвой. (19) В заговор были посвящены только семь человек⁷, которые, опасаясь, что если дело отложить, то кто-нибудь из них раскается в своем согласии и расскажет о заговоре, немедленно проникли во дворец со спрятанным под одеждой оружием. (20) Во дворце они убили всех, кто попался им навстречу, и проникли к магам, (21) которые настолько мужественно защищались, что, обнажив мечи, убили двоих из заговорщиков. (22) Однако маги были сматы, так как нападавших было больше. Одного из магов Гобрий обхватил за поясницу; когда же остальные [заговорщики] замешкались, опасаясь, как бы вместо мага не пронзить Гобрия, так как борьба происходила в темноте, то Гобрий велел разить мага, хотя бы сквозь его [Гобрия] тело. (23) Судьбе, однако, было угодно (fortuna... regente), чтобы Гобрий остался жив, а маг был убит.

¹ Ср. Н е г., III, 30, 61 слл. Из Бехистунской надписи следует, что Камбис убил своего брата еще до похода в Египет.

² У Геродота — Смердис; в Бехистунской надписи — Бардия.

³ У Геродота — Прексасп, который назван не магом, а «вернейшим из персов».

⁴ Камбис умер в 522 г. до н. э.

⁵ Ср. Н е г., III, 67.

⁶ Остан и Гобрий упоминаются в Бехистунской надписи в числе помощников Дария в его борьбе за престол.

⁷ Их имена приводит Геродот (III, 70); за исключением одного, они совпадают с приведенными в Бехистунской надписи.

Гл. 10. (1) Великую славу стяжали себе вельможи, восстановив царскую власть и убив магов; но еще больше прославились они тем, что, стремясь к царской власти, они все же сумели прийти к соглашению. (2) И доблестью и знатностью они были настолько равны друг другу, что само это равенство делало выбор между ними чрезвычайно трудным для народа. (3) Тогда они сами нашли способ, при помощи которого решение этого дела предоставлялось божеству и судьбе (*fortunae*). (4) Они условились в заранее назначенный день рано утром вывести своих коней к царскому дворцу, и чей конь при восходе солнца первый заржет, тот и станет царем; (5) ведь единственным богом персы считают солнце, коней же считают посвященными этому богу (6). Среди заговорщиков был Дарий, сын Гистаспа, которому его конюх, видя, что Дарий крайне озабочен, станет ли он царем, сказал: «Если победа зависит только от этого, то это дело пустячное». (7) Затем накануне назначенного дня конюх привел коня ночью на условленное место и здесь подпустил его к кобыле, полагая, что следствием любовного наслаждения будет именно то, что и действительно произошло. (8) И вот, на следующий день, когда все собрались в условленный час, конь Дария, узнав это место, охваченный вожделем, заржал, и так как остальные кони молчали, первый подал знамение, благоприятное для своего господина. (9) Все остальные вельможи проявили такую скромность (*moderatio*), что, как только услышали знамение, сейчас же спешились и приветствовали Дария как царя. (10) Также и весь народ, следуя решению вельмож, утвердил Дария на царстве¹. (11) Так Персидское царство, которого домогались семь знатнейших мужей, соперничавших в доблести (*virtute*), благодаря столь ничтожной случайности досталось одному. (12) Поистине невероятно, что те, кто готов были пожертвовать своей жизнью, чтобы вырвать власть [из чужих рук], теперь с такой скромностью ее уступили. (13) Правда, помимо прекрасной наружности и доблести, благодаря которым Дарий был вполне достоин царской власти (*imperiū*), он был связан родством с прежним царским домом, (14) а именно, став царем, Дарий сейчас же женился на дочери царя Кира, чтобы укрепить свою власть браком с женщиной царского происхождения, так чтобы всем стало ясно, что царская власть досталась не постороннему человеку, а возвращена династии Кира. (15) Спустя некоторое время отложились ассирийцы и захватили Вавилон. Взять этот город штурмом было трудно, и царь не знал, что делать. Тогда один из участников убийства магов, Зомир², приказал у себя в доме жестоко изранить себя и обрезать себе нос, уши и губы. В таком виде Зомир неожиданно явился к царю. (16) Когда пораженный Дарий спросил, кто же и по какой причине подверг Зомира таким ужасным истязаниям, он сообщил Дарию как тайну, с какой целью он это сделал, и, договорившись о том, как поступать в будущем, отправился в Вавилон под видом перебежчика. (17) Здесь он показал народу свое истерзанное тело, жаловался на жестокость царя, говорил, что когда они оба добывались царской власти, то он был побежден не доблестью Дария, а знаменем, не решением людей, а ржанием коня. (18) Пусть увидят на его примере, — говорил он, — как Дарий поступает со своими друзьями, — чего же ждать от него его врагам? (19) Зомир убеждает вавилонян довериться не стенам, а оружию, и просит их о разрешении вместе с ними вести [против Дария] войну с неостывающей злобой. (20) Знатность и доблесть этого человека были известны всем, не вызвала сомнений и его верность, как бы залогом которой служили раны на его теле, знаки царской несправедливости. (21) Поэтому голосами всех он был поставлен в вожди. Получив

¹ О хронологии событий, связанных с воцарением Дария, см. В. В. Струве, Датировка Бехистунской надписи, ВДИ, 1952, № 1, стр. 26—48.

² В отличие от Помпея Трога, Геродот (III, 153) называет Зомира сыном участника убийства магов (Мегабиза); у Диодора (X, 19, 2) говорится: «Мегабиз или Зомир». В подробностях, сообщаемых Трогом о Зомире, проявляется характерное для этого автора стремление поразить читателя необычностью своего рассказа. Ср., например, версию Трога (II, 9, 16 сл.) о Кинегире при Марафоне с изложением Геродота.

под свою команду небольшой отряд, Зопир дважды дал удачные сражения персам, которые, как было условлено, перед ним отступали. (22) В конце же концов он все войско, которое ему доверили, сдал Дарию и подчинил его власти весь город [Вавилон]. (23) После этого Дарий повел войну со скифами, о чем рассказывается в следующей книге.

КНИГА II

Гл. 1. (1) Рассказ о совершенных скифами подвигах, достаточно великих и славных, следует начинать с происхождения скифского народа. (2) Самые первые шаги их не менее славны, чем их [позднейшее] владычество (*imperiū*); доблестью мужчин они прославились не более, чем доблестью женщин, (3) и действительно, если сами они основали царства парфян и бактрийцев, то их женщины положили начало царству амазонок, (4) так что тот, кто станет размышлять о подвигах [скифских] мужчин и женщин, поистине будет сомневаться, — какой пол у них более славен. (5) Племя скифов всегда считалось самым древним¹, хотя между скифами и египтянами долго происходил спор о древности происхождения². (6) Египтяне выставляли на вид то, что «в начале мира одни земли пылали от чрезмерного солнечного жара, а другие цепенели от ужасного холода; эти земли не только не могли первыми произвести людей, но даже не могли принимать переселенцев и поддерживать их существование, пока люди не изобрели одежд для защиты тела от жары и холода или же пока неблагоприятные местные [природные] условия не были смягчены искусственными способами. (7) В Египте же климат всегда был умеренный, так что ни зимние холода, ни летние жары не мучили его жителей. (8) Почва же в Египте так плодородна, что никакая другая страна не производила так щедро всего, что нужно для пропитания людей. (9) Поэтому с полным основанием следует считать, что люди появились впервые там, где они легче всего могли прокормиться». (10) Напротив, скифы полагали, что умеренный климат вовсе не есть доказательство древности. (11) «Природа, — [утверждали они], — когда распределяла впервые между странами в разной мере жару и холод, произвела в то же время на свет и живые существа, приспособленные к перенесению местных условий; (12) породы деревьев и плодов также не одинаковы и сообразованы с условиями разных поясов. (13) И насколько в Скифии климат суровее, чем в Египте, настолько же и сами скифы более сильны и духом и телом. (14) Кроме того, если нынешние части света некогда составляли одно целое, то — была ли вначале земля покрыта водами или ею владел огонь, от которого и весь мир произошел, — в том и в другом случае скифы являются более древними по происхождению. (15) Ибо, если огонь был первым состоянием всех вещей и, постепенно потухая, уступал место земле, то никакая иная часть не могла под влиянием холода раньше отделиться от огня, чем север. Ведь и теперь никакая другая часть земли не испытывает более жестоких холодов. (16) В Египте же и вообще на всем Востоке климат стал умеренным гораздо позже; ведь эти страны еще и сейчас страдают от жгучего солнечного зноя. (17) Если же все земли некогда были глубоко погружены в воду, то, конечно, когда воды стали убывать, раньше всего выступили наружу наиболее возвышенные части, а на низменных местах вода задерживалась гораздо дольше. (18) Чем раньше та или иная местность просыхала, тем раньше начинала она производить живые существа. (19) Скифия же расположена настолько выше

¹ Ср. с утверждением Геродота (IV, 5): «Скифы говорят, что их народ моложе всех других».

² Приведенный далее Помпеем Трогом спор между скифами и египтянами связан с попытками античных авторов разрешить проблему древности происхождения человека и культуры. Ср. Нег., II, 2. О крайне типичном для античной историографии противопоставлении скифов и египтян как двух крайностей, — см. Д. П. Каллипротопов, Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи, 1949, стр. 91.

других стран¹, что все реки, которые там берут начало, впадают в Мэотиду, а отсюда в Понтийское и Египетское моря. (20) Напротив, что касается Египта — сколько царей в течение скольких веков старательно заботились о том, чтобы укрепить его! Сколько плотин в нем выстроено против напора воды, сколько каналов прорыто для отвода воды — и тем не менее стало возможным возделывать его только тогда, когда Нил был оттеснен [в русло]. Поэтому Египет, повидимому, — страна с самым молодым по возрасту населением; царские сооружения и наносы ила создали эту страну, самую юную из всех». (21) Вот какими доказательствами скифы одержали верх над египтянами и с тех пор всегда считались самым древним народом.

Гл. 2.¹ (1) Скифия простирается в восточном направлении и ограничена с одной стороны Понтом, с другой — Рифейскими горами, а сзади — Азией и рекой Фасисом. (2) И в длину и в ширину она занимает большое пространство. (3) Земля у них не размежевана, так как полей они не возделывают, ни домов, ни каких-нибудь других строений, ни постоянных жилищ у них нет. Они пасут стада мелкого и крупного скота, постоянно кочуя по невозделанным степям. (4) Своих жен и детей они возят за собой в повозках, покрытых шкурами для защиты от дождей и холодов. Эти повозки и служат им жилищем. (5) Справедливость прирождена им, а не предписана законами (*justitia gentis ingeniis culta, non legibus*). (6) Нет, по их понятиям, преступления более тяжкого, чем воровство. Так как они содержат скот и стада не в хлевах и не в загонах, а на воле, то что осталось бы у них, если бы воровство считалось дозволенным? (7) Золото и серебро они настолько же презирают, насколько остальные смертные их домогаются. (8) Питаются они молоком и медом. (9) Употребление шерсти и тканых одежд им неизвестно, хотя они и страдают от постоянных холодов; шкурами зверей они, однако, пользуются. (10) Эта неприхотливость и порождает чистоту (*justitiam*) их нравов, ибо ничего чужого они не желают. Ведь страсть к богатству рождается там, где богатством умеют пользоваться. (11) О, если бы и у остальных смертных была такая же умеренность, такая же нестяжательность (*moderatio abstinentiaeque alieni*)! (12) Воистину, тогда не было бы в течение стольких веков столько войн по всей земле, (13) не погибало бы больше людей от оружия и меча, чем от естественной смерти. (14) Кажется прямо таки удивительным, что природа дает скифам то, чему греков не научили долголетние поучения мудрецов и наставления философов, и что нравы необразованного, варварского народа при сравнении оказываются выше, чем нравы высокоразвитых [людей]. (15) Насколько незнание пороков приносит больше пользы первым, чем вторым познание добродетелей!

Гл. 3. (1) Скифам трижды удавалось добиться господства над Азией (*imperium Asiae*), а сами они либо оставались не затронутыми чужим владычеством, либо же оказывались не побежденными. (2) Дария, царя персов, они с позором прогнали из Скифии³, (3) Кира убили⁴ со всем его войском, (4) полководца Александра Великого Зопириона⁵ точно так же уничтожили со всей его армией. (5) О римском оружии они только слышали, но на себе его силы не испытали. (6) Парфянскую и бактрийскую державы они сами основали. (7) Народ скифский суров и в труде и на войне, телом невероятно силен; он не ищет ничего, что грозит утратой, а победив, не хочет ничего, кроме славы. (8) Первым, кто объявил скифам войну, был египетский царь Везосис⁶. Предварительно он направил к ним послов с требованием покорности.

¹ Представление о том, что Скифия и вообще северная окраина земной суши расположена выше остальных областей, было очень распространено в древности. Ср. *Aristot., Meteor., II, 1, 12—15; Verg., Georg., I, 240—241.*

² В характеристике морального облика скифов чувствуется влияние морализующих тенденций, свойственных значительной части греческих историков и особенно Эфору, который, несомненно, был также одним из источников Трога.

³ Ср. ниже, II, 5, 9—11.

⁴ Ср. выше, I, 8.

⁵ О походе Зопириона против скифов см. ниже, XII, 2, 16—17 и прим.

⁶ См. выше, I, 1, 6 и прим.

(9) Но скифы, заранее узнав от соседей о приближении царя, ответили послам, (10) что глава столь богатого народа безрассудно начинает войну против нищих, (11) между тем как ему следовало бы скорее опасаться нападения [на свою собственную страну], ведь исход войны сомнителен, победа не принесет выгоды, а ущерб налицо. (12) Поэтому скифы вовсе не намерены ждать, когда враги доберутся до них, и так как они могут получить от врагов гораздо больше, [чем враги от них], то они сами пойдут навстречу добыче. (13) Сказано — сделано. Царь, узнав, что враги приближаются с такой быстротой, бежал¹, покинув свое войско со всем заготовленным для войны и в страхе укрылся в своем царстве. (14) Вторжению скифов в Египет помешали бо-лота. (15) Повернув обратно, скифы покорили Азию, сделали ее своей данницей, но обложили ее умеренной податью, скорее в знак своего владычества (*titulum imperii*) над ней, чем в знак вознаграждения за победы. (16) На покорение Азии скифы потратили 15 лет, но были вызваны оттуда по требованию своих жен, которые через посланцев передали им, что если они не возвратятся, то их жены намерены прижечь потомство с соседями, но не допустят, чтобы по вине женщин пресекался род скифов. (17) В течение 1500 лет платила Азия дань скифам. (18) Прекратил выплату дань царь ассирийский Нин.

Гл. 4. (1) У скифов между тем двое юношей царского рода Плин² и Сколопит³, изгнанные из отечества вследствие пропсков вельмож, увлекли за собой множество молодых людей (2) и поселились на берегу Каппадокии Понтийской около реки Термодонта, заняв покоренную ими Темескирскую равнину. (3) Отсюда они в течение многих лет совершали грабительские набеги на соседние племена, которые, договорившись между собой, заманили их в засаду и перебили. (4) Когда их жены⁴ увидели, что к изгнанию прибавилось еще и вдовство, они взялись за оружие и стали защищать свои владения; сначала они только оборонялись, а потом и сами стали нападать [на соседей]. (5) От браков с соседями они отказались, говоря, что это будет не брак, а рабство. (6) Осмелившись на то, чему не было примера в веках, они без мужчин, вернее даже презрев мужчин, стали защищать свое государство. (7) Чтобы одни из них не казались счастливее других, они убили и тех мужчин, которые оставались дома. (8) За гибель своих мужей они мстили избиением соседей. (9) Когда же они оружием добились мира, они стали вступать в кратковременные связи с соседями, чтобы род их не прекращался. (10) Когда у них рождались мальчики, они их убивали. Девочек они воспитывали по своему примеру, не приучали их ни к безделью, ни к прядению шерсти, (11) а к оружию, к коням, к охоте, еще в младенчестве выжигая им правую грудь, чтобы она не мешала стрелять из лука. Отсюда и произошло название амазонок. (12) Было у них две царицы — Марнезия и Ламисет. Они разделили войско на две части и, уже прославившись своей силой, стали по очереди вести войны и защищать границы своих владений, (13) а чтобы своим успехам придать больше значительности, они говорили, что отец их Марс. (14) Покорив большую часть Европы, они завладели также некоторыми

¹ Ср. Plin., NH, XXXIII, 15,2. Согласно Геродоту (II, 103), наоборот, Сесострис покорил скифов.

² В некоторых рукописях Hilynos, или Hilinos (A. Gutschmid, Kl. Schr., V, 129, прим. 1).

³ Сколопит — имя, связанное, возможно, со скифским племенным наименованием «сколоты» (Нег., IV, 6).

⁴ Неизвестно в точности, каково происхождение греческих легенд об амазонках. Возможно, что при их формировании определенную роль сыграли некоторые поражающие греков черты жизни скифов и других степных народов, особенно савроматов, связанные со значительными пережитками матриархата (см. Б. Н. Граков, *Гуахиохратоиды*, ВДИ, 1947, № 3). Рассказ Помпея Трога об амазонках ср. с изложением Диодора (II, 45—46; IV, 16).

азиатскими государствами. (15) Основав там Эфес и многие другие города¹, они отошли на родину часть своего войска с громадной добычей; (16) другая часть, которая осталась, чтобы сохранить власть над Азией, вместе с царицей Марпезией была перебита объединившимися варварами. (17) Вместо Марпезии вступила на царство дочь ее Синопа. Кроме исключительного знания военного дела, она вызывала всеобщее изумление тем, что в течение всей своей жизни сохранила девство. (18) Благодаря доблести этой правительницы амазонки прославились настолько, что [тот] царь², для которого Геркулес должен был совершить двенадцать своих подвигов, потребовал у него как невозможного, чтобы он принес оружие амазонской царицы. (19) Геркулес отправился с девятью военными кораблями в сопровождении знатнейшего греческого юношества и напал на не ожидавших нападения амазонок. (20) У амазонок в это время царствовали две сестры, Антиопа и Орития, но Орития вела тогда войну за пределами своего государства. (21) Поэтому, когда Геркулес причалил к берегу, в стране амазонок с царицей Антиопой, не ожидавшей ниоткуда опасности, оставалось мало народа. (22) Потому-то и случилось, что при этом внезапном нападении за оружие взялись лишь немногие и победа досталась врагу без труда. (23) Много амазонок было убито и взято в плен, в том числе две сестры Антиопы: Меналиппа — Геркулесом, а Ипполита — Тезеем. (24) Тезеем эта пленница досталась как добыча, он женился на ней, и она родила ему сына Ипполита. (25) Геркулес же после победы возвратил пленную Меналиппу ее сестре и в качестве выкупа получил оружие царицы. Исполнивши, таким образом, приказание, Геркулес возвратился к царю [Евристею]. (26) Однако, как только Орития узнала о войне против своих сестер и о том, что похититель [Ипполиты] — глава афинян, она стала призывать своих спутниц к мщению: бесполезны, говорит она, покорение Понта и Азии, если они открыты для нападения, а вернее, для грабительских набегов со стороны греков. (27) Затем она обратилась за помощью к скифскому царю Сагиллу. Она сказала, что ведь амазонки происходят от скифов, указала на гибель мужей, на необходимость взяться за оружие, на причины войны, на то, что, как обнаружилось, у скифов женщины не уступают мужчинам в доблести, а равняются с ними. (28) Сагилл, стремившийся прославить свой народ, послал на помощь царице своего сына Панасагора с огромным конным войском. (29) Но [между скифами и амазонками] еще до битвы возникли раздоры, и [амазонки], лишённые помощи, потерпели поражение от афинян. (30) Однако им удалось укрыться в лагере их союзников, с помощью которых они вернулись в свое царство, не подвергнувшись нападению со стороны других племен. (31) После Оритии царицей стала Пентесилея, которая во время Троянской войны пришла на помощь [тройяцам] против греков и проявила величайшую свою доблесть, [сражаясь] с храбрейшими мужами. (32) После того, как Пентесилея была убита, а войско ее истреблено, лишь немногие [амазонки], которые оставались в своем царстве, с трудом отбиваясь от соседей, просуществовали до времен Александра Великого. (33) Их царица, Минития, или Талестрис, после того как сошлась с Александром Великим³ на тридцать дней, чтобы иметь от него потомство, возвратилась в свое царство и в скором времени погибла, и вместе с ней погиб весь народ амазонок.

Гл. 5. (1) После третьего своего похода в Азию, когда скифы были в разлуке со своими женами и детьми в течение восьми лет, им пришлось у себя на родине вести войну с рабами⁴. (2) Дело в том, что жены их, устав ждать своих мужей в течение столь

¹ Ряд городов не только в Малой Азии, но и в других местах имел в качестве легендарных основателей и эпонимов амазонок (например, Марпесса в Троаде, Смирна и Синопа в Малой Азии)—ср. *Thiersch, Amazones*, RE, т. I, стр. 1757. Возможно, что в легендах о завоеваниях амазонок в Малой Азии отразились смутные воспоминания о скифо-киммерийских нашествиях.

² Евристей — микенский царь из мифа о Геракле.

³ См. ниже, XII, 3, 5—7. Ср. *Plut., Alex.*, 46 и *Arr., Anab.*, IV, 15, 4; VII, 13, 2.

⁴ По Геродоту (IV, 1, 3), скифы провели вдаль от дома не 8, а 28 лет, и выступили против них не сами рабы, за которых вышли замуж их жены, а сыновья этих рабов.

долгого времени и решив, что не война их задерживает, а что они погибли, повыходили замуж за рабов, оставленных для охраны стад. (3) Рабы эти, когда господа их с победой возвратились домой, вооружились и не хотели впускать их в пределы страны, словно чужестранцев. (4) После того как победа неоднократно переходила от одной стороны к другой, кто-то дал скифам совет переменить способ войны, памятуя, что им ведь приходится сражаться не со [свободными] врагами, а с [собственными] рабами; их надо попытаться победить не по праву войны, а по праву господ; нужно расстаться с мечами и заготовить розги, плети и прочие орудия наказания, которые внушают страх рабам. (5) Решение это было одобрено. Снаряженные так, как было указано, скифы, подступив к врагам, стали грозить им поркой, чего те вовсе не ожидали, и настолько смутили этим рабов, что угрозой порки добились той победы, которой не могли добиться при помощи меча. Рабы обратились в бегство, не как побежденные противники, а как беглые рабы. (6) Те из них, кого удалось захватить, были распяты на крестах. (7) Также и женщины, зная за собой вину, сами закололись или повесились. (8) После этого в стране скифов царил мир до времен царя Иантира¹. (9) Против этого царя персидский царь Дарий, как уже было выше сказано², за то, что не получил в жены его дочь, начал войну³. (10) Он вторгся в Скифию с 700 000 воинов. Враги, однако, не давали ему возможности завязать сражение, и Дарий, боясь, что в случае, если будет разрушен мост через Истр, ему будет отрезан путь к возвращению в страну, отступил, потеряв 80 000⁴ людей. (11) Эта потеря, вследствие многочисленности населения в персидской державе, не была сочтена крупным ущербом. (12) После этого Дарий покорил Азию и Македонию⁵. Победил он и ионян в морском бою⁶. (13) Затем, узнав, что афиняне посылали против него отряд на помощь ионянам, он со всей силой обрушился на афинян.

Гл. 6. (1) Теперь, поскольку мы подошли к истории афинских войн, завершившихся такой удачей, на которую не только нельзя было надеяться, но которой и теперь трудно поверить, — настолько подвиги афинян превзошли все их ожидания, — нам надлежит вкратце напомнить о происхождении [афинского государства]; (2) ведь афиняне поднялись до столь высокого положения, в отличие от других народов, не из ничтожества. (3) Они одни только могут похвалиться не только своим возвышением, но и своим происхождением, (4) так как начало их городу было положено не каким-нибудь пришельцем и не кучкой людей, случайно собравшихся из разных мест, а людьми, которые родились на той же земле, на которой живут, и их местожительство то же, что их месторождение⁷. (5) Они первые научили [людей] обработке шерсти, а также употреблению масла и вина. Тем, кто питался желудями, они показали, как пахать и как сеять хлеб. (6) Поистине, и науки, и красноречие, и весь государственный порядок как бы избрали Афины своим храмом⁸. (7) Еще до времен Девкалиона царем афинян был Кекс

¹ У Геродота (IV, 120, 127) — Идантирс.

² См. выше, I, 10, 23.

³ Ср. иную мотивировку этого похода у Геродота (IV, 1) — жажда мести со стороны персидского царя за вторжение скифов в Азию. Причина, приведенная Юстином, быть может, составляет «бродячий сюжет» — ср. обратную версию данного мотива у Арриана (Anab., IV, 15), согласно которой скифский царь предложил свою дочь Александру, но последний отклонил предложение.

⁴ У Геродота эти цифры не приводятся; возможно, Помпей Трог заимствовал их у Ктесия. См. A. G u t s c h m i d, Kl. Schr., V, 107.

⁵ Ср. ниже, VII, 3.

⁶ Речь идет о морской битве у о-ва Лады, которой закончилось ионийское восстание против персов (499—494 гг. до н. э.). См. Нег., V, VI.

⁷ Ср. Нег., I, 56—57; Thucyd., I, 2, 5—6. См. А. И. Тюменев, к вопросу об этногенезе греческого народа, ВДИ, 1953, № 4, стр. 26 слл.

⁸ Ср. D i o d., XIII, 27; Th u c y d., II, 37, 41; I s o c r., IV, 50; XV, 295; P l a t o, Protag., 337d.

ропс¹, о котором рассказывают, — ведь все рассказы о древнейших временах похожи на басни, — что он имел в себе две природы и первый установил брак между мужчиной и женщиной. (8) Ему наследовал Кранай, дочь которого Аттис дала свое имя всей этой области². (9) После него царствовал Амфиктион³; он первый посвятил город Минерве, а государству дал имя Афины. (10) В его время потоп уничтожил большую часть народов Греции. (11) Уцелели те, которые нашли убежище на горах или отплыли на плотах к фессалийскому царю Девкалиону⁴; поэтому-то впоследствии стали говорить, будто от Девкалиона и произошел весь человеческий род. (12) Затем по порядку наследования царская власть перешла к Эрехтею, при котором Триптолемом в Элевсине было открыто искусство сеять хлеб. (13) В честь этого дара были установлены ночные таинства [для посвященных]. (14) Владел в Афинах царской властью и Эгей, отец Тезея, жена которого Медия развелась с мужем, не ужившись с пасынком, когда он стал взрослым, и удалилась к колхам со своим сыном Медом, зачатым от Эгея. (15) После Эгея правил Тезей⁵, а затем сын Тезея Демофон, помогавший грекам против троянцев. (16) Между афинянами и дорями исстари были взаимные обиды и раздоры. Доряне, намереваясь отомстить за эти обиды, запросили оракул об исходе предстоящей войны. (17) Ответ был: «Они победят, если не убьют афинского царя». (18) Когда война началась, то воинам было приказано прежде всего оберегать вражеского царя. (19) Царем у афинян в то время был Кодр⁶. Он узнал и об ответе божества и о приказе, данном неприятельским воинам, и, сменив царский наряд на лохмотья, с вязанкой хвороста на спине проник во вражеский лагерь. (20) Там, в преградившей ему путь толпе, он был убит воином, которого намеренно ранил своим серпом. Оpozнав труп царя, доряне отступили без боя. (21) Так афиняне избавились от войны, благодаря доблести своего вождя, обречшего себя на смерть ради спасения родины.

Гл. 7. (1) После Кодра в Афинах царей не было, что следует приписать уважению к памяти Кодра. (2) Управление государством было поручено ежегодно сменявшимся должностным лицам (*magistratibus*)⁷. (3) Однако в государстве тогда никаких законов

¹ Античное предание о легендарном царе Кекропсе имеет определенное историческое значение. С именем Кекропса традиция связывает не только введение единобрачия в Аттике, которое, должно быть, отразило сдвиг в процессе упрочения отцовского права, но и расселение жителей Аттики в двенадцати поселениях, объединенных впоследствии Тезеем (ср. *Thucyd.*, II, 15,4; *Strabo*, IX, 1,20, стр. 397; см. Ф. Ангельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1953, стр. 111—112. G. Thomson, *Studies in Ancient Greek Society*, 1949, стр. 142, 362—364).

² Ср. *Pauls.*, I, 2, 6.

³ Согласно другой легендарной традиции, Амфиктион был сыном Девкалиона и Пирры и основателем Дельфийской амфиктионии.

⁴ Обращает внимание трактовка Помпея Трога известного мифа о Девкалионе и потопе. При изложении древнейшей истории Аттики Трог как бы сознательно опускает некоторые мифологические подробности, пытаясь дать рационалистическое объяснение известной ему традиции.

⁵ Помпей Трог (или, быть может, его эпиноматор?) лишь вскользь упоминает о Тезее, с именем которого связан исключительно важный этап в ранней истории Афин, т. е. синойкизм (см. *Thucyd.*, II, 15,2; *Plut.*, *Thes.*, 24).

⁶ Личность Кодра, как и прочих древнейших аттических царей, легендарна. Рассказ о его смерти имеется также у оратора IV в. до н. э. Ликурга (с. *Leocr.*, 84—87); о его царствовании упоминают Геродот (V, 76), Платон (*Symp.*, 208d) и Аристотель (*Pol.*, V, 10,8, стр. 1310 b). См. также *Pauls.*, I, 19,5; 39,4; VII, 25,2; VIII, 52,1. Согласно античному преданию, афинский род Кодридов играл ведущую роль в колонизации ионийских городов Передней Азии (*Her.*, I, 147; *Pauls.*, VII, 2 и 3).

⁷ В действительности, как известно, первоначально архонты избирались пожизненно, затем на десять лет, а с 683 г. до н. э. — на один год.

не было, так как прихоть царей заменяла законы. (4) Но вот был избран Солон¹, человек, знаменитый своей справедливостью, с тем, чтобы он [изданием] законов как бы основал новое государство. (5) Солон так благоразумно соблюдал интересы и народа и старейшин (ведь, если бы он действовал в интересах только одного сословия, то этим он не угодил бы другому), что заслужил равную благодарность от обоих². (6) Среди многих замечательных дел этого человека достойно упоминания и следующее. (7) Между афинянами и мегарянами происходила борьба не на жизнь, а на смерть, за обладание островом Саламином³. (8) После многих поражений афиняне установили смертную казнь для того, кто внесет закон о завоевании этого острова. (9) Солон, боясь, что молчание его повредит государству, а выступление погубит его самого, притворился внезапно впадшим в безумие и решился, под предлогом невменяемости, не только говорить о том, что было запрещено, но и действовать. (10) В растерзанном виде, какой имеют обычно лишившиеся ума, (11) он побежал туда, где бывало много народа. Когда сбежалась толпа, он, чтобы лучше скрыть свое намерение, начал говорить стихами, что было в то время необычно, и подстрекать народ к нарушению запрета. (12) Он до такой степени увлек всех, что тотчас же было постановлено начать войну против мегарян, и после победы над врагами остров [Саламин] перешел во владение афинян.

Гл. 8. (1) Между тем мегаряне не забыли о войне, которую начали против них афиняне, и, боясь, как бы не показалось, что они, мегаряне, воевали без всякого успеха, садятся на корабли, намереваясь захватить афинских женщин ночью во время элевсинских таинств⁴. (2) Афинский вожь Писистрат, узнав об этом, сажает в засаду клики и приказывает женщинам справлять празднество, как обычно, с шумными кликами, даже и тогда, когда враги приблизятся, чтобы те не догадались, что замысел их открыт. (3) Когда мегаряне, ничего не подозревая, сошли с кораблей, Писистрат напал на них и их уничтожил. Затем он тотчас же на захваченных кораблях поплыл в Мегары, посадив кое-где [между воинами] женщин, чтобы их сочли за пленниц. (4) Когда мегаряне узнали свои корабли как по их наружному виду, так и по тому, что увидели на них ожидаемую добычу, они выбежали к гавани встретить их. Писистрат перебил мегарян и едва не захватил город. (5) Так доряне своим коварством сами отдали победу в руки врагов. (6) Но и Писистрат решает обманом⁵ захватить тиранию, будто он одержал победу не для отечества, а лично для себя. (7) Он сам наносит себе дома удары плетью и с истерзанным телом является перед народом. (8) Созвав собрание, он показывает народу свои раны, (9) жалуется на жестокость знатных, от которых будто бы претерпел эти истязания. К воплям он присоединяет слезы, и доверчивая толпа воспаляется от его дышащих злобой речей. Писистрат утверждает, будто старейшины ненавидят его за его любовь к народу. (10) Ему удается добиться назначения личной охраны из своих приверженцев. Став при помощи этих телохранителей тираном, он управлял [афинянами] тридцать четыре года⁶.

Гл. 9. (1) После смерти Писистрата один из его сыновей, Диокл⁷, за то, что изнасиловал [одну] девушку, был убит ее братом. (2) Другой [сын Писистрата], по имени Гиппий, к которому перешла отцовская власть, приказывает схватить убийцу своего брата. (3) Когда этого последнего пытками принудили назвать своих сообщников, он

¹ 594 г. до н. э.

² Аристотель называет Солона *διαλλακτής* (примиритель) — Ath. pol., 5, 2.

³ То же рассказывает и Плутарх (Solon., 8, 1—3).

⁴ Около 565 г. до н. э. Это была уже другая война с мегарянами. Аристотель отмечает две войны: при Солоне (Ath. pol., 17, 2) и при Писистрате (Ath. pol., 14, 1; ср. Her., 1, 59; Plut., Solon., 8, 4—6).

⁵ Ср. Her., I, 59; Arist., Ath. pol., 14, 1; Plut., Solon., 30.

⁶ Писистрат стал тираном в 561/560 г. до н. э., умер в 528/527 г. до н. э.

⁷ В остальных источниках — Гиппарх. Был убит в 514 г. до н. э. См. Thucyd., VI, 54 слл.; Arist., Ath. Pol., 18; Dioid., X, 17.

назвал всех друзей тирана¹. (4) После того как они были казнены, убийца на вопрос: не осталось ли еще в живых кого-нибудь из сообщников, ответил так: «Нет больше никого, чья смерть доставила бы мне большей радости, разве только смерть самого тирана». (5) Этими словами он, отмстив за позор сестры, одержал победу и над самим тираном. (6) Доблесть этого человека заставила его соотечественников вспомнить о свободе. (7) Гиппий [тиран] был свергнут и изгнан². Он отправился в Персию к Дарию, который в то время, как было уже сказано выше, шел войной против афинян, и предложил себя [в военачальники в войне] против своей родины. (8) Когда афиняне услышали о приближении Дария, они попросили помощи у лакедемонян, которые в то время были их союзниками. (9) Однако, узнав, что спартанцы, следуя религиозным предписаниям, выступят не раньше, чем через четыре дня³, афиняне, не дожидаясь их помощи, вооружили 10 000 граждан и с тысячным вспомогательным отрядом из Платей выступили, чтобы принять бой на Марафонском поле⁴ с 60 000 врагов. (10) Полководцем в этой войне был Мильтиад, и он же настоял на том, чтобы не ожидать спартанской помощи. Он был так уверен в своих силах, что считал быстроту действий лучшим способом обороны, чем помощь союзников. (11) Столь велико было воодушевление у греческих воинов перед этой битвой, что они, когда между боевыми линиями осталось 1000 шагов, бегом бросились на врага и добежали до него прежде, чем открыта была стрельба из луков. И такая храбрость не осталась бесплодной. (12) Греки сражались столь доблестно, что можно было подумать: на этой стороне — мужи, на той — стадо. (13) Побежденные персы бежали на суда, но и из судов многие были потоплены, многие захвачены. (14) В этом сражении отдельные воины выказали такую храбрость, что трудно было решить, кого можно было счесть первым. (15) Однако в числе прочих блестящую славу заслужил юный Фемистокл, в котором уже тогда обнаружились способности будущего полководца. (16) Писатели осыпают также похвалами афинского воина Кинегипра. (17) Убив бесчисленное множество в бою, он побегал по пятам противников, бегущих к судам, удержал правой рукой нагруженный неприятельский корабль и не раньше отпустил его, чем потерял руку. (18) Когда же ему отрубили правую руку, он схватился за корабль левой. Потеряв и эту руку, он в конце концов удержал корабль зубами. (19) Таково было мужество этого человека, что он не ослабел после стольких убийств, не был побежден, потеряв обе руки, а превратившись в обрубок, сражался

¹ Ср. *Arist., Ath. pol.*, 18, 4; *Diod.*, X, 17; *Polyaen.*, I, 22.

² Изгнание Гиппия произошло в 510 г. до н. э. Согласно другим источникам, он не сразу отправился к Дарию, а сначала — в Сигей. Ср. *Her.*, V, 62—65; *Thucyd.*, VI, 59, 4.

³ У спартанцев был закон, запрещавший их войску выступать в поход перед получением. Ср. *Her.*, VI, 106 и 120; *Paul.*, I, 28, 4.

⁴ Битва при Марафоне произошла летом 490 г. до н. э. Перед лицом грозной опасности были призваны к оружию даже рабы (*Paul.*, X, 20, 2), в связи с чем они получили свободу (*Paul.*, VII, 15, 7: Дизей, «подражая примеру Мильтиада и афинян перед Марафонским боем, дал свободу рабам...» — пер. С. П. Кондратьева). После победы афиняне похоронили на поле битвы павших рабов в одной могиле с павшими платейцами и рядом с могилой самих афинян (*Paul.*, I, 32, 3).

Основной источник о Марафонском сражении — *Her.*, VI, 107—117; см. также *C. Nepos, Milt.*, 4—6; *Plut., Arist.*, 5; *Paul.*, I, 32, 3; I, 15, 3 (ср. *Dem.*, LIX, 94; *Aesch.*, III, 186). Изложение хода битвы у Трога ведется по Геродоту, но, очевидно, для большего драматического эффекта, нестрит подробностями, явно приукрашивающими действительность: таковы цифры сражавшихся и павших на персидской стороне (ср. *Her.*, VI, 117), рассказ о подвиге Кинегипра (ср. *Her.*, VI, 114). О смерти Гиппия во время битвы (ср. *Cicero, ad Att.*, IX, 10) Геродот ничего не сообщает. Согласно Свиде, Гиппий умер спустя некоторое время после битвы, на о-ве Лемносе.

Критика источников имеется: *E. d. Meyer, Gesch. d. Alt.*, III², стр. 325 сл.; *W. W. How, J. Wells, A Commentary on Herodotus*, Oxford, 1912, т. II, App., XVIII.

зубами, как бешеное животное. (20) 200 000 человек потеряли персы и в самом сражении и на потопленных кораблях¹. (21) Пал и Гиппий, афинский тиран, зачинщик и поджигатель этой войны. Его наказали боги, мстители за родину.

Гл. 10. (1) Между тем Дарий в то время, когда собирался возобновить войну против греков, скончался² в самый разгар приготовлений. После Дария осталось много сыновей, рожденных и после того, как он стал царем, и до его воцарения. (2) Из них Ариаменес³, самый старший, требовал для себя царской власти по праву старшинства. Это право даровано народам самой природой в силу порядка рождения. (3) Ксеркс же возражал, что не возраст решает дело, а счастливые условия рождения. (4) Он, Ариаменес, правда, первый сын Дария, но ведь он родился, когда тот был частным человеком; он же, Ксеркс, первым родился у Дария — царя. (5) Поэтому все его братья, — [говорил он], — рожденные до него, Ксеркса, могут требовать для себя того, что осталось от их отца как от частного человека, но не царской власти. Он же, Ксеркс, — тот, кого Дарий, уже ставший царем, родил первым. (6) К этому надо добавить, что Ариаменес — частный человек не только по отцу, но и по матери. Дед Ариаменеса по матери также частный человек. (7) Он же, Ксеркс, рожден от матери — царицы, да и отца он не знал иначе, как царем; а дед его со стороны матери был сам царь Кир, не наследник, а создатель столь великой державы. (8) Даже если признать, что по отцу у него и Ариаменеса одинаковые права, то права, унаследованные от матери и деда, дают преимущество Ксерксу. (9) С общего согласия братья передали свой спор на решение дяди своего по отцу, Артаферна⁴, как бы семейного судьи. (10) Этот последний, разобрав дело в семейном кругу, решил дело в пользу Ксеркса. Итак, соперничество между братьями кончилось тем, что ни победитель не проявил злорадства, ни побежденный не выразил недовольства [по поводу своей неудачи]; даже во время тяжбы Ариаменес и Ксеркс обменивались подарками и совместно устраивали пиршества, на которых царила не только полная искренность, но и веселье. Самый суд происходил без посредников и без крика. (11) В те времена братья делили между собой огромные царства более спокойно и сдержанно, чем теперь делят ничтожные наследства. (12) В течение пяти лет Ксеркс продолжал готовить войну, начатую его отцом против греков. (13) Как только узнал об этом Демарат⁵, царь лакедемонян, который в качестве изгнанника жил у Ксеркса, он, — более преданный родине, изгнавшей его, чем царю, оказавшему ему благодеяния, — чтобы война не застала греков врасплох, обо всем написал спартанскому магистрату на деревянных дощечках и написанное прикрыл слоем старого воска, (14) чтобы, таким образом, надпись не была видна и по свежести воска не догадались об обмане. Дощечки эти Демарат вручил верному рабу, приказав отдать их спартанским магистратам. (15) Когда дощечки были доставлены по назначению, в Лакедемонии долго не могли догадаться, в чем дело: надписи никакой не было видно, и в то время подозревали, что таблички присланы не зря; дело казалось тем важнее, чем оно было таинственнее. (16) В то время, как мужчины терялись в догадках, сестра царя Леонида разгадала замысел писавшего. (17) Воск соскребли и прочли о военных планах [Ксеркса]. (18) А Ксеркс за это время уже вооружил набранных в своем царстве

¹ Перевод сделан согласно чтению — *sive naufragio*. Другое чтение — *sine naufragio*.

² Дарий умер в 486 или 485 г. до н. э.

³ Ariamenes — конъектура Gutschmid'a и Iерр'a. В рукописях — Artemenes, Artemenis. Ср. P l u t., Мор., 488; Themist., 14,2. Согласно Геродоту (VII, 2), старшего сына Дария звали Артобазан.

⁴ Согласно Плутарху (Мор., 488), персы передали этот спор на разрешение другому брату Дария, Артабану. Согласно Геродоту (VII, 3), вопрос был решен самим Дарием.

⁵ Ср. А е н. Т а с т., 31. Соответствующий рассказ у Геродота (VII, 239) некоторыми современными учеными считается интерполяцией (См. Н о w, W e l l s, ук. соч., т. II, стр. 233—234).

700 000 [воинов] и 300 000¹ [человек] вспомогательных войск, (19) так что не без оснований рассказывают, что его войско выпивало до дна реки и что вся Греция едва могла вместить в себя его армию. (20) Говорят также, что кораблей было у него числом 1200. (21) Но у такой рати не было полководца. Ибо, взглянув на царя [Ксеркса], можно было похвалить [его] богатства, но не самого вождя. (22) Богатств в Ксерксовом царстве было так много, что если войска царские могли осушать до дна реки, то богатства царя были неиссякаемы. (23) Самого же Ксеркса всегда видели первым в бегстве, последним в сражении; он был робок в опасности и хвастлив, когда ему ничто не угрожало; (24) он, пока не испытал превратностей войны, был так самоуверен, как будто был владыкой над самой природой: он срывал горы и выравнивал овраги, некоторые моря перекрывал мостами, на других в целях судоходства устраивал протоки, сокращавшие путь.

Гл. 11. (1) Насколько вторжение Ксеркса в Грецию было ужасно, настолько постыдно было его отступление. (2) Ибо когда Леонид, царь спартанский, занял Фермопильское ущелье² с четырьмя тысячами воинов³, Ксеркс из презрения к такому ничтожному отряду приказал вступить с ним в бой тем [воинам], родственники которых пали в Марафонской битве. (3) Стремясь отомстить за своих, они оказались первыми, потерпевшими поражение. Пришедшие им на смену неслаженные толпы были перебиты в еще большем количестве. (4) Три дня шло сражение на горе и на зло персам. (5) На четвертый день Леониду донесли, что вершина горы занята 20 000 врагов. Тогда он обратился к союзникам и стал их убеждать уйти и сохранить себя для отечества и для лучших времен; (6) он же со спартамцами, должен испытать судьбу: он обязан больше думать о родине, чем о своей жизни, остальные же пусть сохраняют себя для защиты Греции. (7) Выслушав царское приказание, союзники ушли, остались одни лакедемоняне. (8) В начале этой войны дельфийский оракул ответил вопрошавшим его: надлежит пасть либо царю спартанцев, либо их государству. (9) Поэтому, идя на войну, царь завещал своим воинам помнить, что он идет с душой, готовый к смерти. (10) Он для того и занял ущелье, чтобы со своими небольшими силами либо победой стяжать величайшую славу, либо погибнуть с наименьшим ущербом для отечества. (11) Отослав союзников, он стал увещевать спартанцев, [говоря]: «Пусть они помнят, что как бы они ни сражались, им все же неминуемо предстоит пасть в бою; пусть не скажут о них, что они оказались храбрее, стоя на месте, чем нападая [на врагов]; (12) не следует ждать, пока неприятель их окружит, нет, — как только ночь даст к тому возможность, надо нагрянуть на беззаботных и ликующих врагов; (13) нет ничего более почетного для победителей, чем погибнуть в самом вражеском лагере». (14) Нетрудно было вдохнуть решимость в тех, кто решил умереть: (15) спартанцы немедленно хватают оружие, и 600 мужей умереть вместе с царем, либо, если их отсечет, [умереть] как можно ближе к нему. (16) Весь лагерь приходит в смятение. Не найдя царя, спартанцы рассыпаются по всему лагерю, побеждая всех; всех убивают, все опрокидывают, как люди, которые знают, что сражаются не в надежде на победу, а в жажде отмщения за [свою неминуемую] смерть. (17) Битва началась с наступлением ночи и продолжалась почти весь день. (18) Наконец, непобежденные, но обессиленные своими непрерывными победами, они пали среди бесчисленных полчищ поверженных врагов. (19) Ксеркс же, потерпев два поражения на суше, решил испытать счастье на море.

¹ Иные данные имеются у Геродота (VII, 184—185), Диодора (XI, 3 и 5) и Ктесия (Pers., 23). Цифры Юстина приближаются к тем, которые приведены у Диодора. См. Н о w, W e l l s, ук. соч., т. II, App. XIX.

² Сражение при Фермопилах произошло в августе 480 г. до н. э.

³ Относительно численности отряда Леонида разные источники (Н е г., VII, 202—203, 222; D i o d., XI, 4 и 9) сообщают различные данные. Некоторые современные историки доводят численность отряда до 12 000 (B e l o s c h, Gr. Gesch., II², стр. 100). Дальнейший рассказ за исключением речи Леонида имеется в основных чертах у Геродота и Диодора.

Гл. 12. (1) Вождь афинян Фемистокл, узнав, что те самые поняне¹, из-за которых афиняне навлекли на себя войну с персами, пришли на помощь царю со своим флотом, решил перетянуть понян на свою сторону. (2) Так как он был лишен возможности вступить с ними в переговоры, то он велел поставить в тех местах, где поняне намеревались пристать к берегу, условные знаки и начертать на скалах²: (3) «Что за безумие охватило вас, поняне? Какое преступление вы совершаете? Вы задумали идти войной на тех, которые некогда основали ваши города, а еще недавно были вашими защитниками? (4) Для того ли мы заложили ваши стены³, чтобы вы разрушили наши? (5) Как будто не за то сперва Дарий, а теперь Ксеркс затеял с нами войну, что мы не покинули вас, когда вы восстали. (6) Почему же вы не переходите из вашего зависимого положения в наш лагерь? (7) А если это не безопасно, то по крайней мере, когда завяжется сражение, оставайтесь в стороне, гребите потихоньку и покиньте бой». (8) Еще до начала сражения на море Ксеркс послал 4000 вооруженных в Дельфы для ограбления храма Аполлона, как будто он вел войну не только с греками, (9) но и с бессмертными богами. (10) Этот отряд весь был истреблен ливнями, и молниями, чтобы Ксеркс понял, насколько ничтожны силы людей против бессмертных богов. (11) После этого Ксеркс сжег покинутые жителями Феспии, Платей и Афины, и так как он не мог свирепствовать против людей мечом, он свирепствовал против зданий огнем. (12) Афиняне в свое время после битвы при Марафоне построили 200 кораблей⁴, так как Фемистокл предупреждал их, что одержанная над персами победа будет не концом войны, а причиной другой, еще большей. (13) И теперь, когда Ксеркс приближался, дельфийский оракул ответил вопрошавшим его: «Пусть ищут спасения за деревянными стенами». (14) Фемистокл, полагая, что оракул указывает на корабли как на защиту, убеждает всех, что отечество — это жители, а не стены, и что государство заключено в гражданах, а не в зданиях; (15) кораблям можно скорее доверить свое спасение, чем городу. Ведь так изрекло само божество. (16) Афиняне, одобрив это решение, отправили жен и детей с самым дорогим имуществом на отдаленные острова, покинули город и, вооружившись, сели на корабли. (17) Примеру афинян последовали и другие города. (18) И вот, в то время как весь объединенный флот союзников, приотправившись к морскому сражению, занял узкий Саламинский пролив, чтобы многочисленный неприятельский флот не смог его окружить, между главами государств возникли разногласия. (19) Так как некоторые из них вознамерились выйти из войны и отплыть для охраны своих земель, то Фемистокл, опасаясь, как бы силы [греков] не уменьшились после отплытия союзников, сообщил Ксерксу через верного раба следующее: «Царь очень легко может захватить собравшиеся в одно место силы [всей] Греции, (20) если же силы отдельных государств, уже готовые к отплытию, рассеются, то царю будет гораздо труднее справиться с ними поодиночке». (21) Этой хитрой уловкой Фемистокл побудил царя дать сигнал к битве. Греки, захваченные врасплох наступлением врага, приняли бой объединенными си-

¹ См. выше, II, 5,12—13 и прим.

² Геродот (VIII, 19, 22) приписывает еще и иное назначение этим надписям: внушить персидскому царю недоверие к поньянам (ср. P l u t., Themist., 9,1).

³ Фемистокл ссылается на то обстоятельство, что понийские города были основаны выходцами из Аттики.

⁴ Согласно Геродоту (VII, 144), эти корабли были построены в связи с войной против эгинетов на средства, добытые от лаврионских рудников (ср. A r i s t., Ath. pol., 22,7; P l u t., Themist., 4,1—2; N e p o s., Themist., 2; P o l y a e n., Strat., 1,30; T h u c y d., I, 14). П л у т а р х (Themist., 3,4) рассказывает, что Фемистокл, уговаривая афинян построить флот, имел в виду грядущую опасность со стороны персов (считая Марафон «началом еще больших испытаний» — ср. с текстом Юстина); однако это соображение он не высказывал афинянам, а говорил им лишь только об эгинетах (Themist., 4,2). По данным Аристотеля (Ath. pol., 22,7), это событие, связанное, по существу, с основанием знаменитого афинского военного флота, относится к 483 г. до н. э.

лами. (22) Между тем царь, в качестве зрителя, с частью кораблей остался у берега. (23) А галикарнасская царица Артемисия, пришедшая на помощь Ксерксу, ожесточенно сражалась, не уступая лучшим полководцам, (24) так что, поистине, в мужчине можно было видеть женскую робость, а в женщине — мужскую отвагу. (25) Когда исход сражения был еще сомнителен, поныне, по совету Фемистокла, начали малопомалу выходить из битвы: их измена сломила боевой дух у других [сражавшихся]. (26) Персы видят вокруг себя бегущих, их строй колеблется, и скоро они, побежденные в бою, сами обращаются в бегство. (27) В этой суматохе много кораблей было захвачено [греками], много потоплено; но еще большее число [кораблей] спешно поодиночке отплыло на родину, так как не менее страшен был гнев царя, чем враги.

Гл. 13. (1) К потрясенному этим поражением и колеблющемуся царю обращается с советом Мардоний. (2) Он убеждает царя возвратиться домой, чтобы слух о неудачной битве не вызвал какого-нибудь мятежа, тем более что, как всегда бывает, молва все преувеличивает; (3) а ему, Мардонию, пусть царь оставит 300 000 отборных воинов из всей рати: с этим войском он либо со славой для царя покорит Грецию, либо, если исход будет другой, он, Мардоний, отступит перед врагом, но царь не будет обесславлен. (4) Этот совет получил одобрение, войско было передано Мардонию, а царь собрался вести остальную армию на родину. (5) Но греки, услышав о бегстве царя, принимают решение разрушить тот мост, который Ксеркс как бы в знак своей победы над морем построил у Абидоса. [Целью греков было], отрезав персам путь к отступлению, либо уничтожить царя вместе с войском, либо принудить его, побежденного, в таком отчаянном положении добиваться мира. (6) Фемистокл же, опасаясь, как бы попавшим в ловушку врагам отчаяние, наоборот, не придало смелости и как бы они, не имея другого выхода, не стали пробивать себе дорогу оружием, подал такой совет: «В Греции осталось более чем достаточно врагов, и не следует увеличивать их числа, задерживая [войско Ксеркса]». (7) Но не сумев убедить остальных, он посылает к Ксерксу того же самого раба, ставит царя в известность о положении вещей и советует ему ускорить отступление, чтобы успеть занять переправу. (8) Царь, пораженный этим известием, поручает военачальникам [руководить] переправой воинов, а сам с небольшим отрядом спешит в Абидос. (9) И так как здесь он обнаружил, что мост поврежден зимними бурями, то, трепеща от страха, переправился на тот берег на рыбацкой лодке. (10) Зрелище это, достойное созерцания, наводило на размышления о человеческом жребии и о том, что все в жизни меняется: на малом суденышке искал спасения тот, кого еще незадолго перед тем не могло вместить целое море; ни одного раба не оказалось для услуг у того, от множества войск которого стонала сама земля¹. (11) Да и для пехоты Ксеркса, которую он поручил своим военачальникам, обратный путь дался не легче: к ежедневным тяготам (ибо нет покоя тому, кто боится) прибавился еще голод. (12) А длительное недоедание повлекло за собой чуму: все дороги были завалены отвратительными трупами, и хищные птицы и звери, привлеченные этой приманкой, шли за войском по пятам².

Гл. 14. (1) Между тем Мардоний³ в Греции захватил Олинф. (2) В то же время он соблазнял афинян надеждой на мир и на дружбу с царем, обещая восстановить сожженный их город, даже в еще больших размерах. (3) Когда же Мардоний увидел, что афи-

¹ Легенды о страданиях армии Ксеркса во время отступления после Саламинской битвы долгое время бытовали в античной литературе (см., например, I u v., Sat., X, 178). Живописная деталь о переправе Ксеркса на рыбацкой лодке, которая содержится только у Юстина, дает автору основание для экскурса в область моральной философии.

² В оценке роли Фемистокла в связи с планом разрушения моста у Абидоса Помпей Трог, повидимому, следовал иной традиции, относившейся к Фемистоклу более сочувственно, чем та, которая отражена у историков V в. до н. э.: см. Her., VIII, 108—110; Thucyd., I, 137,4; Plut., Arist., 9, 5—6. Ср. Diod. (Эффор), XI, 49, 5; Nepos, Themist., 5; Front., II, 6,8.

³ Геродот (VIII, 127) приписывает захват Олинфа не Мардонию, а Артабазу.

яние ни за какую цену не согласятся продать свою свободу, он сжег все здания, которые уже начал было отстраивать, и отвел свои войска в Беотию. (4) Туда же последовало за ним греческое войско численностью в 100 000 человек, (5) и там произошло сражение. Но и смена полководца не принесла царю счастья: Мардоний был побежден и бежал с небольшим отрядом, словно спасшийся от кораблекрушения¹. (6) Его лагерь, в котором оказалось много царских сокровищ, был захвачен, а с того дня, как греки поделили между собой персидское золото, возникло у них стремление к богатству и роскоши. (7) Случайно в тот же день, когда уничтожено было войско Мардония, произошло также морское сражение с персами в Азии у гористого [мыса] Микале². (8) Перед началом сражения, когда оба флота стояли друг против друга, до обоих войск дошла весть о победе греков и о страшном поражении Мардония. (9) С такой быстротой распространился этот слух, что в то время, как сражение в Беотии произошло ранним утром, известие о нем, через столько морей и такое огромное пространство, уже около полудня дошло до Азии. (10) По окончании войны, когда возник вопрос о награждении государств, принимавших участие в этой войне, все признали, что афиняне своей доблестью превзошли всех остальных, (11) а также было признано всеми государствами, что Фемистокл больше всех других вождей приумножил славу своей родины.

Гл. 15. (1) Итак, афиняне, возвеличенные и военной добычей и славой, вознамерились восстановить свой город в прежнем виде. (2) Так как они окружили новыми стенами большие пространства, чем прежде, то это стало внушать лакедемонянам подозрение: что если даже разрушение города послужило усилению [Афин], то насколько же увеличит их мощь максимально укрепленный город. (3) Поэтому они отправляют в Афины послов, чтобы те убедили афинян в следующем: пусть они на случай новой войны не строят укреплений и убежищ для врагов³. (4) Фемистокл же, видя, что спартанцы завидуют благоприятным перспективам, которые открывались для его государства, и считая, что не следует действовать слишком резко, ответил послам, что «будут посланы люди в Лакедемон для совместного обсуждения этого дела». (5) Отпустив спартанцев, Фемистокл побуждает своих, чтобы они ускорили работу. (6) Затем, спустя некоторое время, он сам отправляется в Спарту в качестве посла. В пути, то притворяясь больным, то ссылаясь на медлительность своих сотоварищей, без которых он-де по закону не может принимать решения, он тянул день за днем, добываясь того, чтобы дать время [афинянам] для окончания сооружений. (7) А между тем [в Спарте] было получено известие, что афиняне торопятся с постройкой стен, вследствие чего [спартанцы] снова отправили послов в Афины для расследования этого дела. (8) Тогда Фемистокл через раба посылает правителям афинским письмо [такого содержания]: «Пусть они закуют [спартанских] послов в оковы и держат их в качестве заложников, чтобы спартанцы не вынесли какого-либо жестокого решения против него [Фемистокла]». (9) Затем Фемистокл является на народное собрание в Спарте. Он объявляет, что Афины уже укреплены и в случае войны им послужит защитой не только оружие, но и стены. (10) Если по этой причине [спартанцы] с ним поступят жестоко, то за это ответят задержанные в Афинах заложники. (11) Затем Фемистокл стал резко осуждать спартанцев

¹ Битва при Платеях (479 г. до н. э.) подробно описана у Геродота (IX, 19—75). Согласно Геродоту (IX, 64, 71) и Диодору (XI, 31, 2), Мардоний не бежал, а храбро сражаясь, погиб на поле боя. Возможно, у Юстина Мардоний смешан с Артабазом. См. Нег., IX, 66.

² Битва при Микале, собственно говоря, не была «морской» битвой, так как персы отказались встретить греков на море (см. Нег., IX, 96 слл. и Dio d., XI, 34 слл.). Следующий далее у Юстина рассказ (II, 14, 8 и 9) приводится Геродотом (IX, 100 сл.) и Диодором (XI, 35, 2—3). Последний поясняет, что спартанский командующий при Микале, не зная еще об исходе битвы в Беотии, распустил слух о победе с целью поднять настроение у войска перед боем.

³ Основной источник следующего рассказа (II, 15, 3—12) — Фукидид (I, 90—92); см. также Непот (Them., 6—7), Диодор (XI, 39—40), Фронтин (I, 1, 10), Плутарх (Them., 19, 1—3).

за то, что они хотят увеличить свою мощь не своей личной доблестью, а рассчитывая на слабость союзников. (12) После этого Фемистокл был отпущен, и сограждане приветствовали его как триумфатора. (13) Спустя некоторое время спартанцы, боясь, как бы силы их не ослабели от бездеятельности, а также чтобы отомстить персам за две войны против Греции, стали самовольно нападать на персидские пограничные области¹. (14) Своим полководцем и полководцем союзного войска они выбрали Павсания. Последний, не довольствуясь своим положением вождя, захотел стать царем над всей Грецией. Он договорился с Ксерксом о женитьбе на царской дочери и в награду за предательство возвратил царю плененных персов, чтобы чем-нибудь услужить царю и заставить его сдержать свое слово. (15) Кроме того, Павсаний просит Ксеркса убивать всех посылаемых к нему Павсанием вестников, чтобы все дело не вышло наружу из-за людской болтливости². (16) Однако афинский полководец Аристид, участвовавший в войне как союзник, выступил против планов своего сотоварища и, давая мудрые советы, расстроил намерения изменника³. Вскоре после этого Павсаний был обвинен и осужден. (17) Ксеркс, видя, что изменнический замысел раскрыт, снова решил начать войну. (18) Греки со своей стороны назначили вождем Кимона, афинянина, сына того Мильтиада, под командой которого некогда сражались при Марафоне; Кимон был еще молод, однако проявленная им сыновняя преданность как бы предсказывала будущее его величие. (19) Ибо, когда отец его за казнокрадство был заключен в темницу и там умер, Кимон, добровольно заковав себя в его оковы, выкупил тело отца для погребения⁴. (20) На войне он тоже не обманул надежд тех, кто избрал его полководцем: не уступая отцу в доблести, он заставил Ксеркса, побежденного на суше и на море, в трепете удалиться в царство [персидское].

КНИГА III

Гл. 1. (1) Ксеркс, царь персов, ранее ужас народов, после неудачной войны с греками стал предметом презрения даже для своих подданных. (2) Поэтому Артабан, начальник стражи, видя, что уважение к царю с каждым днем падает (*deficiente regis majestate*), сам возымел надежду стать царем и однажды вечером с семьей своими сыновьями, отличавшимися огромной силой, проник во дворец (куда в качестве друга царя он всегда имел доступ) и убил царя⁵; сыновей же Ксеркса, которые были помехой для его замыслов, он постарался обойти хитростью. (3) Наименее опасного для него Артаксеркса, в то время еще мальчика, он уверил, будто царь убит Дарием⁶, уже взрослым юношей, который якобы сделал это, чтобы самому стать царем; Артабан уговорил Артаксеркса

¹ Речь идет о совместных военных операциях, предпринятых союзниками в 478 году до н. э. против персов. Главнокомандующим, как и прежде, был спартанец.

² Советы Павсания убивать вестников относятся к более позднему периоду, когда Павсаний, уже снятый с поста главнокомандующего, находился в Спарте под наблюдением эфоров — см. *Thucyd.*, I, 132,5; ср. *Diod.*, XI, 45, I.

³ К делу Павсания Аристид не имел отношения, так как, очевидно, не был осведомлен о его предательстве. Крайняя непопулярность Павсания среди афинских и ионийских войск на Геллеспонте, вызванная надменностью его поведения, дала Аристиду возможность добиться предводительства над всеми союзными войсками (*Plut.*, *Arist.*, 23; ср. *Thucyd.*, I, 95).

⁴ Это сообщение Юстина отражает традицию, в основе которой лежит рассказ Геродота (VI, 136), со временем сильно искаженный и приукрашенный драматическими подробностями, идущими, возможно, от Эфора. См. *Plato*, *Gorgias*, 516 d—e, а также *Plut.*, *Cim.*, 4; *Nepos*, *Milt.*, 7, *Cim.*, 1; *Diod.*, X, 30. Подробный анализ этой традиции имеется у Эд. Мейера, *Forschungen zur alten Geschichte*, Halle, 1899, т. II, стр. 25 слл.

⁵ Ксеркс умер в 465 или 464 г. до н. э. В рассказе о попытке Артабана захватить престол Трог близок к Ктесию (*Pers.*, 29, 30).

⁶ Речь идет о другом сыне Ксеркса.

отомстить за отцеубийство братоубийством. (4) Когда [убийцы] пришли в дом Дария, то нашли его спящим, но сочтя, что он притворяется, [все же] убили его. (5) Потом, когда Артабан увидел, что ему остается покончить еще только с одним царским сыном, он стал опасаться, что между вельможами начнется борьба за власть (*certamina de regno*), и привлек к участию в своих замыслах Багабакса¹. (6) Однако Багабакс, довольный существующим [государственным] устройством, открывает Артаксерксу все: что отец его был убит, что его брат умерщвлен, ложно обвиненный в отцеубийстве, что против него самого плетутся козни. (7) Когда Артаксеркс обо всем этом узнал, он, опасаясь многочисленных сыновей Артабана, на следующий день приказал войску построиться в полном вооружении, якобы желая проверить и общую численность войска и военную подготовку отдельных воинов. (8) Среди других находился и Артабан в полном вооружении. Царь притворился, будто его панцырь слишком короток для него и приказал Артабану поменяться с ним панцырями; когда же Артабан, сняв с себя панцырь, обнажился, Артаксеркс пронзил его мечом, а затем приказал схватить и его сыновей. (9) Вот каким образом этот замечательный юноша отомстил и за убийство отца, и за умерщвление брата, и за заговор против себя самого.

Гл. 2. (1) Пока это происходило в Персии, вся Греция под предводительством лакедемонян, с одной стороны, и афинян, с другой, раскололась на две части и вместо войн с внешними врагами как бы вонзила оружие в свое собственное сердце (*viscera* — букв. «внутренности»). (2) И вот из одного народа образовалось два, и те, кто прежде стоял в одном лагере, распались на два враждебных войска. (3) Лакедемоняне перетягивали к себе вспомогательные войска государств, состоявших раньше в общем союзе; афиняне же, прославленные и древностью рода и совершенными подвигами, полагались на свои собственные силы. (4) И вот два самых могучих греческих народа, в равной мере возвеличившиеся, одни благодаря учреждениям Солона, другие благодаря законодательству Ликурга, рвались к войне, чтобы померяться силами. (5) Ликург², некогда став наследником своего брата, спартанского царя Полидекта, мог бы присвоить себе царскую власть, но, проявив величайшее благородство, передал ее Хариллу, сыну Полидекта, когда тот достиг совершеннолетия, хотя Харилл родился уже после смерти отца. (6) [Ликург поступил так], чтобы все поняли, насколько для честных людей уважение к справедливости выше всех прочих благ. (7) Пока ребенок подрастал, Ликург исполнял обязанности его опекуна и в это время установил для спартанцев законы, которых они до того вовсе не имели, прославившись и составлением законов и еще более тем, что он сам был их живым примером. (8) Ни одного закона не установил он для других, первым образцом которого он бы сам не явил себя. (9) Он приучил народ к повиновению правителям, а правителей к справедливому пользованию властью (*justitiam imperiorum*). (10) Всем он внушал воздержанность, считая, что привычка

¹ У Ктесия (Pers., 30) — Мегабиз.

² В дальнейшем рассказе (III, 2,5—III, 3) Трог, очевидно, не следовал одному определенному источнику, а компилировал многие и, таким образом, отразил самые разнообразные — ранние и поздние — версии в пестрой античной традиции о полуреализованном законодателе. Например, в III, 2, 7 и III, 3, 2 автор идет за Геродотом; материал III, 3, 3 и 12 почерпнут из более поздних источников и т. д. Оценку рассказа Трога с источниковедческой точки зрения — см. у E. d. Meyer'a, *Lycurgos von Sparta* (Forschungen..., т. I, стр. 269, прим. 2). Заслуживает внимания и то обстоятельство, что в изложении Трога как бы сознательно игнорируются все рассказы о вмешательстве божества в человеческую историю (см. III, 3, 10; ср. Polyb., X, 2, 8—11, и выше, Iust., II, 6 — трактовку древнейшей истории Афин). Основные источники о деятельности Ликурга: Her. I, 65—66; Plut., Lycurg.; Xen., Resp. Lac.; Strabo (Ephorus), VIII, 5, 5; X, 4, 18 сл.; ср. также Arist., Pol., II, 9 сл.; IV, 11, 15; V, 11, 2—3 (ср. Plato, Leg., III, 691e—692a); Polyb., VI, 10, 45—48.

³ Варианты в рукописях: *formavit* и *firmavit*.

к постоянной умеренности поможет легче переносить военные труды. (11) Он повелел покупать вещи не за деньги, а путем обмена. (12) Он запретил употреблять золото и серебро, видя в них первоисточник всех преступлений.

Гл. 3. (1) Управление государством он распределил между разными разрядами граждан (*ordines*). (2) Царям предоставил власть военную, магистратам, избравшимся на год¹, — суд, сенату² — охрану законов, народу — право избирать сенат и кого захочет в магистраты. (3) [Собственные] земельные участки всех граждан он разделил между всеми поровну, для того, чтобы при [таком] уравниении собственности, никто не мог стать могущественнее других. (4) Он повелел, чтобы все [граждане] обедали совместно, чтобы никто не мог тайком пользоваться своим богатством и роскошествовать. (5) Юношам было разрешено в течение года носить только одну смену одежды, чтобы никто не одевался изящнее другого и не питался лучше и чтобы подражание друг другу не привело к расточительности. (6) Подростков Ликург велел водить не на форум, а в поле, чтобы они свою юность проводили не в неге, а в работе и трудах. (7) Он постановил, чтобы они, ложась спать, ничего под себя не подстилали, обходились без мясного приварка и возвращались в город не раньше, чем станут мужами. (8) По его установлению, девушки должны были выходить замуж без приданого, чтобы [мужчины] выбирали себе жен, а не [их] богатство, и чтобы мужья могли не церемониться с ними ввиду [полученного] приданого и держать своих жен постройке. (9) Он хотел, чтобы величайшим почетом пользовались не богатые и могущественные, а старейшие, в силу своего возраста. И, действительно, нигде на всей земле старость не находится в таком почете. (10) Ликург видел, что на первых порах все это может показаться слишком суровым, тем более что до него нравы в Спарте были довольно распушенными; поэтому он распространил слух, будто творец этих законов — сам Аполлон Дельфийский и что законы свои он создал по божественному повелению, все это — для того, чтобы страх перед божеством победил трудности соблюдения [новых законов]. (11) Затем Ликург, чтобы утвердить законы свои навеки, обязал сограждан торжественной клятвой ничего не изменять в этих законах, пока он не вернется на родину, и уверил всех, будто он отправляется к Дельфийскому оракулу, чтобы посоветоваться с богом о том, что следует добавить к законам и что изменить в них. (12) На самом же деле Ликург уехал на Крит, где и жил до конца жизни, [добровольно] изгнав сам себя с родины. Умирая, он приказал бросить кости свои в море, опасаясь, что спартанцы перевезут его останки в Лакедемон и тогда сочтут себя свободными от своей клятвы ничего не изменять в законах, установленных им.

Гл. 4. (1). Благодаря таким правам государство [спартанское] окрепло настолько, что спартанцы, начав войну с мессенцами³ за нападение на спартанских девушек во время торжественного жертвоприношения в Мессене⁴, связали себя крепчайшей клятвой не раньше вернуться домой, чем будет покорена Мессена; вот как они были уверены то ли в своих силах, то ли в своем счастье. (2) Это обстоятельство было началом раздоров в Греции, причиной и первоисточником междоусобной войны. (3) Вопреки ожиданиям спартанцев осада города [Мессены] затянулась на целых десять лет, и жены их стали жаловаться на столь долгое [вынужденное] вдовство и звать их домой. (4) [Да и сами] спартанцы стали опасаться, как бы таким упорством в ведении войны не повредить больше себе, чем мессенцам; ведь если у мессенцев убыль молодежи, [погибавшей] на войне, возмещалась плодovitостью их жен, то спартанцы тоже непрерывно

¹ Имеются в виду несомненно эфоры (ср. Нег., I, 65). Однако в ряде источников эфорат признается институтом, возникшим после Ликурга. Ср. Plato, Leg., III, 692a; Arist., Pol., V, 11,2—3; Plut., Lycurg., 7; Cleom., 10; Val. Max., IV, 1.

² Имеется в виду герусия.

³ Первая Мессенская война (с 743 по 724 г. до н. э., согласно Павсанию). См. Paus., IV, 6 слл.; ср. Diod., VIII, 12—13 (Loeb), XV, 66; Plut., Agis, 21; Isocr., VI, 26—33.

⁴ Ср. Paus., III, 2, 6; IV, 4, 2; Strabo, VI, 1, 6; VIII, 4, 9.

теряли людей на войне, но жены их в отсутствие мужей оставались бесплодными. (5) Поэтому спартанцы отбирают молодых людей из пополнения, прибывшего уже после того, как была дана клятва, и отпускают их в Спарту, причем дают им разрешение вступать в сожитие с любым числом женщин. (6) полагая, что зачатие произойдет тем скорее, чем больше мужчин вступит в связь с каждой женщиной. (7) Дети, родившиеся от этих юношей, были названы парфениями¹, так как позор их матерей был всем известен. (8) Когда парфении достигли тридцатилетнего возраста, то они, боясь бедности (ведь ни у кого из них не было отцов, от которых они могли бы получить наследство), взяли себе в вожди Фаланта, сына того самого Арата, который в свое время посоветовал спартанцам послать молодых людей на родину для обеспечения потомства. (9) Они надеялись добиться славы с помощью сына того, кто некогда был виновником их рождения. (10) Не простившись с матерями, прелюбодеяние которых навлекло на них бесчестие, они отправляются искать место для поселения. (11) После долгих скитаний и всевозможных приключений они, наконец, прибывают в Италию, где, захватив Тарентинскую крепость и изгнав прежних ее жителей, обосновываются; (12) но спустя много лет их вождь Фалант был изгнан мятежниками и удалился в Брундизий, куда ранее переселились изгнанные из своего прежнего местожительства тарентинцы. (13) Умирая, Фалант попросил их, чтобы они «кости и останки его растерли в прах и тайно развеяли их на тарентинском форуме; тогда, как предрек Дельфийский оракул, изгнанные тарентинцы якобы смогут отвоевать свою родину». (14) Жители Брундизия подумали, что Фалант решил отомстить и хочет повернуть к худшему судьбу своих сограждан, и выполнили его распоряжение; но слова оракула имели значение совсем иное: (15) вечное владение этим городом, а не потеря его предрек он, если это будет сделано. (16) Так совет вождя изгнанника, выполненный самими врагами, за парфениями навеки закрепит владение Тарентом. (17) В память этого благодеяния они постановили оказывать Фаланту божеские почести.

Гл. 5. (1) Между тем мессенцы, которых спартанцы не смогли одолеть доблестью, были покорены хитростью. (2) Однако, после того как в течение восьмидесяти лет мессенцы терпели тяжкий гнет рабства — побои, зачастую и цепи и другие бедствия, которые влечет за собой плен, они в конце концов возобновили войну². (3) Лакедемоняне со своей стороны тем единодушнее взялись за оружие, что они считали эту войну войной против рабов. (4) Итак, одна сторона горела желанием отомстить за оскорбления, другая была возмущена [сопротивлением]. Лакедемоняне запросили Дельфийский оракул об исходе войны и получили повеление просить себе военачальника у афинян. (5) Афиняне же, узнав об ответе оракула, чтоб показать свое презрение к спартанцам, послали к ним хромого поэта Тиртея³. (6) Тиртей был разбит в трех сражениях и довел

¹ В рассказе о парфениях Трог использовал, главным образом, традицию, представленную у Эфора (Strabo, VI, 3,3); ср. Polyb., XII, 6 B, 5 и 8 (Didot). G. Thomson (Studies in Ancient Greek Society..., стр. 200 сл.) в предании о парфениях отмечает следы матриархальных отношений в Спарте. Античные источники сообщают разные версии этой легенды; согласно некоторым авторам, отцы парфений были илотами (Антиох у Strabo, VI, 3, 2; Феомон у Athen., VI, 271c; ср. Iust., III, 5, 6). После войны парфении, добываясь гражданских прав под предводительством Фаланта, в союзе с илотами (согласно Эфору), составили заговор, который был открыт. Ср. Arist., Pol., V, 7, 1—2, стр. 1306b; Dio d., VIII, 21 (Loeb). XV, 66.

² По Павсанию (IV, 15, 1 и 23, 4), вторая Мессенская война относится к 685—668 гг. до н. э., т. е. она началась спустя 39 лет после окончания первой. В основе датировки Трога лежат, очевидно, стихи Тиртея, в которых поэт говорит, что в первой войне воевали «отцы наших отцов». Сам Тиртей, как известно, участвовал во второй войне.

³ Сообщение Трога об афинском происхождении Тиртея поддерживается большинством источников: Paus., IV, 15, 6; Dio d., VIII, 27 (Loeb); XV, 66; Каллифен и Филохор, приводимые Страбоном (VIII, 4, 10); Plato, Leg., I, 629 a. С другой

спартанцев до такого отчаяния, что они стали отпускать на свободу своих рабов для пополнения войска, обещая им в жены вдов убитых воинов¹, (7) причем эти рабы должны были не только заместить павших граждан по числу, но и унаследовать все причитающиеся им почести. (8) Цари лакедемонян, чтобы продолжением войны против воли рока не навлечь еще больших несчастий на страну, хотели было уже вести войско назад, если бы не вмешался Тиртей; (9) он продекламировал перед войском сочиненные им стихотворения, в которых выразил все, что возбуждает доблесть, утешает в потерях, учит воевать. (10) Этим он возбудил в воинах такой пыл, что они, помышляя уже не о спасении своем, а о [смерти и] погребении, вырезали на табличках свои и отцов своих имена и привязали [эти таблички] каждый к правой руке (11) на случай, если все они падут в сражении и со временем тела их станут неузнаваемы, чтобы их могли бы предать погребению по надписям [на табличках]. (12) Когда цари увидели такое воодушевление в войске, они постарались, чтобы это стало известно врагам. (13) Однако у мессенцев это вызвало не страх, а желание померяться силами. (14) Итак, обе стороны вступили в бой с таким воодушевлением, что редко когда еще происходила более кровопролитная битва; (15) но победа в конце концов досталась лакедемонянам.

Гл. 6². (1) По прошествии некоторого времени мессенцы в третий раз возобновили войну³; (2) тогда лакедемоняне призвали себе на помощь в числе других союзников и афинян, (3) но, сомневаясь в их надежности, они отстранили их от участия в военных действиях под тем предлогом, будто афинская помощь оказывается излишней. (4) Оскорбленные этим, афиняне перевезли денежные суммы, собранные со всей Греции для оплаты расходов по войне с персами, с Делоса в Афины⁴, чтобы эти деньги не стали добычей лакедемонян на случай, если они [лакедемоняне] нарушат верность союзу, (5) но и лакедемоняне не успокоились; а так как сами они были заняты войной с мессенцами, то они стали подстрекать пелопоннесцев затеять войну с афинянами. (6) Силы афинян были в то время слабы, так как флот их был отправлен в Египет. Поэтому в морском сражении они были без труда побеждены. (7) Спустя же некоторое время после возвращения их [военных сил] с увеличенным числом и судов и воинов, они возобновили военные действия. (8) Тогда уже и лакедемоняне, оставив пока мессенцев в покое, обратили оружие против афинян⁵. (9) Долгое время они воевали с переменным успехом и наконец разошлись, причем ни одна сторона не добилась решительного перевеса над другой. (10) После этого лакедемоняне снова принялись воевать с мессенцами, но чтобы не дать на это время афинянам передышку, договорились с фивянами⁶ о том, что лакеде-

стороны, сам Страбон, приводящий суждения Филохора и Каллисфена, скептически относится к их свидетельству.

¹ См. прим. к III, 4, 7.

² Эта глава охватывает события так называемой пентеконтаэтии, периода быстрого роста афинской державы. Юстин, сильно сократив историю данной эпохи, вместе с тем столь же сильно искажил ее.

³ В действительности третья Мессенская война была крупнейшим восстанием рабов-илотов, начавшимся в 464 г. до н. э. и продолжавшимся, по Диодору, десять лет. См. *Thucyd.*, I, 101; *Diod.*, XI, 63—64. Илоты, по словам Аристотеля (*Pol.*, II, 9, 2, стр. 1269a), «только и ждали того момента, чтобы воспользоваться несчастьями [спартиатов, восстать против них]».

⁴ Казна Делосского союза была перенесена в Афины не в связи с отстранением отряда Кимона от участия в военных действиях против илотов у горы Итомы (около 462 г. до н. э.), а значительно позже (около 454 г. до н. э.), вероятно, в связи с поражением афинян в Египте.

⁵ В данный период единственный поход лакедемонян за Истм имел место в 457 г. до н. э., а не после окончания афинской экспедиции в Египет. См. *Thucyd.* I, 107,2 — 108,2.

⁶ Ср. *Diod.*, XI, 81,2.

моняне вернут Фивам господство над Беотией, утраченное Фивами во время персидских войн, при условии, если фивяне начнут войну с афинянами. (11) Ярость лакедемонян¹ была так велика, что они, ведя уже две войны, не отказались от третьей, лишь бы привлечь на свою сторону нового противника назло своим [исконным] врагам. (12) Афиняне для ведения этой грозной войны избрали двух вождей — Перикла, человека испытанной доблести, и Софокла, автора трагедий², — (13) которые, разделив свое войско [на две части], опустошили земли спартанцев и подчинили афинской власти многие города Азии.

Гл. 7. (1) Сломленные этими неудачами, лакедемоняне заключили тридцатилетний мир³, но не выдержали столь долгой передышки. (2) На пятнадцатый год они нарушили договор и, презрев [законы] богов и людей, начали опустошать пределы Аттики⁴, (3) а чтобы не казалось, что они больше жаждут добычи, чем подвигов, они стали вынуждать врагов к бою. (4) Афиняне же, по совету своего вождя Перикла, отложили на время отомщение за опустошение своей страны, считая, что нет смысла сражаться, если можно отомстить врагу, не подвергая себя опасности. (5) Спустя несколько дней афиняне сели на корабли и, когда лакедемоняне ничего не подозревали, разграбили всю Спарту и гораздо больше унесли с собой, чем потеряли, (6) так что, если сравнить ущерб, который потерпели обе стороны, то мщение было намного сильнее, чем обида. (7) Великую славу принес Периклу этот поход, но еще больше прославился он презрением, с которым он отнесся к своему наследственному имени. (8) Опустошая земли других [граждан], враги оставили земли Перикла нетронутыми, надеясь, таким образом, либо вызвать зависть к нему и этим подвергнуть его опасности, либо опозорить его подозрением в измене. (9) Но Перикл, заранее предвидя это, предупредил народ, что так будет, и, во избежание зависти, заранее отдал эти самые свои земельные владения в дар государству⁵. (10) И вот, именно то, что грозило ему опасностью, принесло ему величайшую славу. (11) Спустя несколько дней после этого произошло морское сражение⁶. (12) Побежденные лакедемоняне бежали. Но дело и на этом не кончилось, и то на суше, то на море обе стороны с переменным успехом уничтожали друг друга. (13) Наконец, устав от стольких бедствий, они заключили мир на пятьдесят лет⁷, который, однако, соблюдали всего лишь шесть лет, (14) ибо перемирие, заключенное ими от своего имени, они нарушили в лице [т.е. под видом поддержки] своих союзников, (15) как будто они менее были виновны в клятвопреступлении, оказывая помощь союзникам, чем если бы они открыто вступили в войну. (16) Затем война была перенесена в Сицилию; но раньше чем я повею рассказ об этой войне, надо сказать несколько слов о положении Сицилии.

¹ «Ярость лакедемонян» здесь не при чем. В действительности, после битвы при Танagre (457 г. до н. э.) спартанцы опять бездействовали, а афиняне продолжали наступать. Ср. Thucyd., I, 108, 3—5; 111, 3; Dio d., XI, 84 сл., 88. Стратегами афинян при этих операциях (456—453 гг. до н. э.) были Толмид и Перикл.

² Предание о совместном командовании Перикла и поэта Софокла другие источники относят к походу на о-в Самос в 440 г. до н. э. См. Ion Chius, FHG, II, 46; Androtion, FHG, IV, 645; Strabo, XIV, 1, 18 и др.

³ Заключение Тридцатилетнего мира (445 г. до н. э.) последовало в действительности за рядом неудач афинян. См. Thucyd., I, 113—115, 1; Dio d., XII, 6 сл.

⁴ Рассказ об Архидамовой войне (431—421 гг. до н. э.) у Юстина (III, 7, 2—13) имеет мало общего с действительным ходом борьбы, подробно описанной Фукидидом (кн. II—V).

⁵ Ср. Thucyd., II, 13, 1; Polyaeu, I, 36.

⁶ Морской бой при Павиакте — 429 г. до н. э. (Thucyd., II, 90—92).

⁷ Никиев мир — 421 г. до н. э.

КНИГА IV

Гл. 1. (1) По преданию, Сицилия некогда соединялась с Италией узким перешейком и была оторвана от нее, точно [член] от тела, силой мощного натиска Верхнего моря¹, так как именно туда несется вся масса его вод. (2) Остров состоит из рыхлых и хрупких земляных пород и настолько изрыт пещерами и трещинами, что почти весь открыт дыханию ветров. (3) А кроме того, его почва способна порождать и питать огонь, так как в глубине ее заложены, как говорят, сера и минеральная смола (*bitumen*). (4) Оттого-то, в результате борьбы воздуха с огнем в земных недрах, из них часто вырываются во многих местах то языки пламени, то пар, то дым. (5) Оттого же, наконец, пылает столько веков пожар горы Этны. (6) И там, где резкий ветер прорывается «взвезд» отверстия пещер, он наносит груды песка. (7) Ближайший к острову мыс Италии называется Регием, так как по-гречески это слово обозначает «разрыв». (8) Неудивительно, что древние сочинили [много] баснословного об этой местности, где сочетались вещи, столь удивительные: (9) во-первых, нигде нет более бурного пролива, устрашающего не только быстротой напора [вод], но представляющего собой водоворот, так что ужас охватывает не только испытывающих на себе его силу, но даже и видящих его издали. (10) Такая там идет борьба сшибающихся друг с другом волн, что одни, как бы обратившиеся в бегство, низвергаются вниз гребнями, другие, точно победительницы, гордо вздымаются над ними. Здесь слышен то рев бурлящего моря, то гул ниспадающих в бездну волн, (11) а невдалеке — неугасающие огни на горе Этне и на Эолийских островах, огни, для которых пищей служат как будто сами волны. (12) Ибо такое могучее пламя не могло бы пылать столько веков в таких тесных пределах, если бы оно не находило себе пищи в самой влаге. (13) Тут-то воображение и создало баснословных Сциллу и Харибду, тут-то и слышали лай, видели воображаемых чудовищ. Мореходам, устранным зрелищем могучих валов, образующих водовороты, казалось, что это лают волны, которые сталкивают одну с другой поглощающая их пучина. (14) Эта же причина порождает и постоянные огни на горе Этне: (15) сталкивающиеся и борющиеся волны захватывают с собой воздух, увлекают его в глубь моря и удерживают его там, сжимая его, пока он не проникнет в подземные каверны и не воспламенит горючие материалы. (16) Уже самая близость между Италией и Сицилией и одинаковая высота мысов, вдающихся в море навстречу друг другу, — все это, вызывающее изумление и в наше время, древних наполняло ужасом. Они верили, что эти мысы, сшибаясь друг с другом и вновь расходясь, схватывают и уничтожают [даже] крепкие суда; (17) и не наслаждение чудесным вымыслом породило эту древнюю басню, но страх и изумление, [которые испытывали] проплывающие здесь мореходы. (18) Действительно, если на это место смотреть издали, то кажется, что перед нами не пролив, а залив, и только когда приблизишься к нему, то оба мыса, которые, казалось, были соединены, как бы расступаются и разъединяются.

Гл. 2. (1) Сперва Сицилия² называлась Тринакрией, позднее она была названа Сиканией. (2) Она изначально была родиной циклопов, когда же они были истреблены, власть над островом захватил Кокал³. (3) После этого⁴ отдельные государства подпали под власть тиранов, которых нигде не было так много, как в Сицилии.

¹ Ионийское море.

² Ср. *Thucyd.*, VI, 2; *Diod.*, V, 2, 1; *Strabo*, VI, 2, 1.

³ Кокал — мифологический персонаж (см. *Diod.*, IV, 77 сл.).

⁴ С этими словами автор переходит от легендарных времен ко второй половине VI в. до н. э. О тиранах в Сицилии в этот период см. *Aristot.*, *Pol.*, V, 12, 13, стр. 1316a.

(4) Один из их числа — Анаксилай¹, в противоположность другим [тиранам], отличался не жестокостью, а справедливостью, и кротость его правления принесла благие плоды. (5) А именно, умирая, он оставил после себя малолетних сыновей и поручил опеку над ними рабу испытанной верности по имени Микал². Уважение к памяти Анаксилая было столь велико, что [граждане] предпочли повиноваться рабу, чем оставить на произвол судьбы сыновей умершего правителя, и первые люди в государстве, не считаясь со своим достоинством, терпели, что высшая власть в государстве находится в руках раба. (6) Захватить власть над Сицилией пытались также карфагеняне и долго с переменным счастьем вели войны против тиранов. (7) В конце концов, потеряв своего полководца Гамилькара с войском, они, побежденные³, на некоторое время успокоились.

Гл. 3. (1). В это время жители Регия страдали от внутренних раздоров, и эти распри привели к тому, что государство (*civitas*) раскололось на два лагеря; ветераны, призванные одной из [враждующих] сторон на помощь из Гимеры, сперва изгнали из города тех, против кого их призывали, но вслед затем убили и тех, кому они пришли на помощь, и захватили город вместе с женами и детьми [своих] союзников, (2) осмелившись на преступление, с которым не сравнимы поступки ни одного тирана. Так что лучше было бы региянам оказаться побежденными, чем победить. (3) Ведь в первом случае они либо, попав в плен, стали бы служить своим победителям, либо им пришлось бы, покинув родину, удалиться в изгнание, но, по крайней мере, их не убивали бы у жертвенников и родительских ларов и не оставили бы они в добычу жесточайшим тиранам и родину, и жен, и детей.

(4). Также и жители Катаны⁴, страдая от притеснений со стороны сиракузян и не доверяя собственным силам, попросили помощи у афинян. (5) Афиняне, либо побуждаемые стремлением еще более расширить свою державу (*studio maioris imperii*), [стремлением], движимые которым они захватили едва ли не всю Азию и Грецию, либо опасаясь, как бы недавно построенный сиракузянами флот не присоединился к лакедемонянам, послали в Сицилию свой флот под командой Лампона, чтобы под предлогом оказания помощи Катане попытаться овладеть Сицилией. (6) Так как афиняне на первых порах неоднократно наносили поражения врагам и удача сопровождала их, то они прислали в Сицилию новый, еще больший, флот и еще более сильное войско в главе с Лакетом и Хариадом. (7) Однако жители Катаны, то ли из страха перед афинянами, то ли устав от войны, заключили мир с сиракузянами и отослали афинские войска обратно.

Гл. 4. (1) По прошествии некоторого времени, так как сиракузяне не соблюдали условий мирного договора, жители Катаны⁵ вторично отправили послов в Афины. В грязной одежде, с отпущенными волосами и бородами, всем своим жалким видом внушая сострадание, послы пришли на народное собрание. (2) Мольбы

¹ Геродот (VI, 23; VII, 165; ср. Thucyd., VI, 4, 6) сообщает несколько иные сведения об Анаксиласе, тиране Регия и Мессены (494 — 476 гг. до н. э.). Рассказ о Микале имеется также у Геродота (VII, 170), Павсания (V, 26, 4 — 5), Диодора (XI, 48, 2; 66).

² В других рукописях: Micytho.

³ В 480 г. до н. э. у Гимеры в битве против войск Терона, тирана Агригента, и Гелона Сиракузского (Herod., VII, 165—167; Dio d., XI, 20 сл.).

⁴ При изложении событий первой афинской экспедиции в Сицилию (427 — 424 гг. до н. э.) Юстин опять сильно путает. См. соответствующие места у Фукидиды (начиная III, 86, кончая IV, 65) и Диодора (XII, 53—54). Сицилийский город, «страшавший от притеснений сиракузян», был не Катана, а Леонтины. Командовали афинским флотом сначала Лакет и Хариад (Thucyd., III, 86), затем Пифодор (Thucyd., III, 115; IV, 65). III, 115) и, наконец Софокл и Эвримедонт (Thucyd., III, 115; IV, 65).

⁵ Не жители Катаны, а, по Фукидиду (VI, 6, 2), жители Эгесты, по Диодору (XII, 82 — 83), — жители Эгесты и Леонтин отправили послов (416 г. до н. э.) в Афины.

свои они сопровождали слезами и до такой степени разжалобили народ, что полководцы, которые увели обратно присланные на помощь отряды, были осуждены. (3) Было решено послать в Сицилию громадный флот¹; военачальниками были назначены Никий, Алкивиад и Ламах. Столь мощное войско высадилось в Сицилии, что ужас охватил даже тех, кому оно было послано на помощь. (4) Вскоре Алкивиад был отозван защищаться от обвинения, а Никий и Ламах дали два удачных сражения на суше (5) и, окружив город со всех сторон укреплениями, отрезали у врагов подвоз припасов и со стороны моря. (6) Доведенные до отчаяния, сиракузяне обратились за помощью к лакедемонянам². (7) Те прислали одного только Гилиппа³, но этот один стоил целого войска. (8) Гилипп, еще в пути услышав, что военные дела складываются для сиракузян весьма неблагоприятно, и набрав частью в Греции, частью в Сицилии вспомогательные отряды, захватывает выгодные в военном отношении позиции. (9) Потерпев поражение в двух сражениях, он дал третье и после того, как был убит Ламах⁴, обратил неприятеля в бегство, а союзников своих избавил от осады. (10) Когда же афиняне от сухопутной войны перешли к морской, Гилипп вызвал из Лакедемона флот со вспомогательными отрядами. (11) Узнав об этом, афиняне со своей стороны вместо погибшего военачальника присылают Демосфена и Эвримедонта с подкреплениями. (12) Пелопоннесцы по общему решению всех государств (*civitatum decreto*) тоже прислали огромное войско на помощь сиракузянам, и с обеих сторон борьбу вели с таким напряжением всех сил, что, казалось, вся [междоусобная] война из Греции была перенесена в Сицилию.

Гл. 5. (1) В первом столкновении на море афиняне терпят поражение. Они лишаются и своего лагеря вместе с государственными и частными деньгами, [находившимися] в нем⁵. (2) Когда, вдобавок к этим несчастьям, афиняне были разбиты и на суше, Демосфен стал предлагать уйти из Сицилии, пока дела хотя и в бедственном состоянии, но не все еще потеряно; (3) ибо не стоит, [говорил он], долее упорствовать в продолжении войны, на чьей так неудачно, а следует сохранить войско и снаряжение для более важных и, может быть, более счастливых войн⁶ на родине. (4) Никий же, то ли стыдясь своих неудач, то ли боясь сограждан, надежды которых он обманул, то ли по велению рока настаивает на том, чтобы остаться. (5) Поэтому возобновляется война на море, и снова рождается надежда на то, что после пережитых бедствий предстоящее сражение будет удачным. (6) Но по неосведомленности военачальников, которые в узком морском проливе напали на сиракузян, защищавших [этот пролив], афиняне были побеждены без труда. (7). Первым пал наварх Эвримедонт, сражавшийся с отчаянной храбростью на передовой линии. Тридцать кораблей, которыми он командовал, были сожжены. (8) Демосфен и Никий также были разбиты и высадили своих воинов на берег, считая, что безопаснее будет спастись сухим путем. (9) Гилипп захватил сто тридцать кораблей, брошенные ими, а затем начал преследование [афинян] на суше. Бегущих он частью взял в плен, частью уничтожил. (10) Демосфен, потеряв войско, спасся от плена, добровольно покончив с со-

¹ 415 г. до н. э.

² Сиракузяне просили о помощи из Греции не после окружения их города афинянами, а значительно раньше, и они обратились не только к лакедемонянам, а также к коринфянам (Thucyd., VI, 88, 7).

³ Гилипп был послан во главе небольшой коринфской эскадры (Thucyd., VI, 93, 2 — 3; Dio d., XIII, 7).

⁴ Ср. Dio d., XIII, 8. По Фукидиду (VI, 101) и Плутарху (Nic., 18), Ламах погиб еще до прибытия Гилиппа.

⁵ Речь идет, повидимому, о взятии Гилиппом укреплений на Племмирии и о происшедшем после этого поражении афинского флота, т. е. о событиях, которые имели место не после, а до прибытия новых сил под командованием Демосфена и Эвримедонта (Thucyd., VII, 23 — 24, 39 — 41).

⁶ В других рукописях: *infeliciora bella*.

КНИГА V

Гл. 2. (1) Алкивиад также проявил себя в войне, начатой против его родины, но не как рядовой воин, а как доблестный полководец. (2) А именно, получив в свое распоряжение пять кораблей, он направился в Азию и блеском своего имени (auctoritate nominis sui) побудил государства, платившие афинянам дань, к отпадению. (3) Алкивиادا знали повсюду как человека, славного у себя на родине, видели также, что и в изгнании он стал не менее велик, и полагали, что не лакедемоняне переманили от афинян этого полководца, а афиняне сами уступили его лакедемонянам и что власть его в настоящее время несколько не меньше той, какой он пользовался ранее. (4) Но у лакедемонян талант Алкивиада возбуждал скорее зависть, чем благодар-

² Текст обвинения сохранен: Plut., Alc., 22; ср. Thucyd., 1, 101, 1; Plut., Alc., 4.

³ Интриги Алкивиада в Лакедемоне относятся не ко времени неудач афинян под Сиракузами, а к более раннему периоду войны в Сицилии, когда операция афинян против Сиракуз шла особенно удачно и сиракузяне отправили послов в Коринф и Спартию за помощью. Юстин, излагая события в Сицилии отдельно от событий в самой Греции, путается в отношении взаимных хронологических и причинных связей между ними и другими. См. Thucyd., VI, 89—93.

⁴ Речь идет о возобновлении войны между Спартой и Афинами. Известие о полном крахе афинской экспедиции в Сицилию (и, может быть, об оккупации Декелейи Агисом), по Фукидиду, подняло дух «всех эллинов» (Thucyd., VIII, 24). В это же время (413—412 гг. до н. э.), по совету Алкивиада, завязываются связи между спартанцами и персами (Thucyd., VIII, 6).

ность. (5) Поэтому, когда [спартанские] правители, видевшие в Алкивиаде своего соперника, отдали приказание тайно убить его, Алкивиад, узнав об этом от жены царя Агиса, с которой он был в связи¹, бежал к сатрапу царя Дария — Тиссаферну, благосклонности которого он скоро добился своей любезной услужливостью и изящным обхождением. (6) Ведь Алкивиад был в то время в цвете лет и достоинством своей осанки и в не меньшей степени красноречием выдавался даже среди афинян, (7) но он лучше умел приобретать друзей, чем сохранять их, так как на первых порах его пороки затмевались его красноречием. (8) Итак, Алкивиад стал убеждать Тиссаферна², что не следует давать такие большие суммы лакедемонянам на содержание флота (9) и что надо часть этих расходов возложить на ионян: ведь война началась именно за их освобождение, так как они ранее платили дань афинянам. (10) Не следует также, — [говорил Алкивиад], — слишком усердно помогать лакедемонянам военными силами, ведь [Тиссаферну] следует помнить, что победа достанется другим, а не ему; войну же нужно поддерживать лишь настолько, чтобы она не прекратилась из-за истощения сил [воюющих]. (11) Ибо, пока греки враждуют между собой, царь персов будет тем, от чьего решения будут зависеть вопросы войны и мира, и тех, кого он своими силами не мог бы одолеть, он победит их собственным оружием. Если же война прекратится, то царю немедленно придется воевать с победителями (12). Поэтому Грецию следует изматывать внутренними войнами, чтобы у нее не было возможности вести войны внешние; нужно поддерживать равновесие между борющимися сторонами, попеременно оказывая помощь тому, кто [в данное время] более слаб. (13) Ведь спартанцы после своей победы не успокоятся, так как они открыто объявили себя поборниками греческой свободы. (14) Приятны были такие речи Тиссаферну. Поэтому он сильно сократил подвоз провианта для лакедемонян и предоставил в их распоряжение не весь царский флот, с тем расчетом, чтобы не дать [спартанцам] одержать полную победу, но и не поставить их в необходимость прекратить войну.

Гл. 3. (1) Между тем Алкивиад, добившись этого, вступил в сделку со своими соотечественниками. (2) Когда к нему явились афинские послы, он обещал им дружбу царя, если власть в Афинах перейдет от народа к сенату. (3) При этом Алкивиад надеялся, что в случае соглашения между [враждующими] сторонами в государстве его единогласно изберут главным полководцем, в случае же разногласий между сословиями, его призовет на помощь одна из партий. (4) Но афинянам перед лицом непосредственной военной опасности пришлось больше заботиться о своем спасении, чем о своем достоинстве. (5) Поэтому с разрешения народа власть была передана сенату. (6) Но когда члены сената, вследствие присущего знати высокомерия, стали жестоко обращаться с простым народом (*in plebem*), причем некоторые из них стали добиваться тирании, тогда афинское войско вызвало Алкивиада из изгнания и избрало его верховным командующим флотом. (7) Алкивиад тотчас же написал в Афины, что он прибудет туда с войском с [азиатского] материка и отберет от Четырехсот права, принадлежащие народу, если они сами не отдадут их. (8) Представители знати (*optimates*), испуганные этим заявлением, сначала сделали попытку сдать город лакедемонянам, а затем, когда им это не удалось, удалились в изгнание. (9) После этого Алкивиад, избавив отечество от внутренних бедствий³, с величайшим старанием снарядил флот и пошел войной на лакедемонян.

¹ Ср. Th u s y d., VIII, 45,1. О связи Алкивиада с женой Агиса см. P l u t., Alc., 23, 7—8; 24,3—4.

² В изложении доводов, представленных Алкивиадом Тиссаферну, эпитома Юстина сравнительно близка к изложению Ф у к и д и д а (VIII, 45—46; ср. P l u t., Alc., 25,1).

³ В приписании Алкивиаду ответственности за низвержение олигархии Четырехсот (в августе 411 г. до н.э.) рассказ Трога находит прямую поддержку только в одной явно тенденциозной речи И с о к р а т а (XVI,20). По П л у т а р х у, «друзья Алкивиада» низложили совет Четырехсот (Alc., 27). По Ф у к и д и д у (VIII, 48), сначала поощрив олигархических заговорщиков обещаниями денежной помощи от персидского царя в случае уничтожения ими демократических порядков в Афинах, Алкивиад

Гл. 4. (1) У Сеста его уже ожидали лакедемонские вожди Миндар и Фарнабаз, выстроив свои суда в боевой порядок. (2) Завязалось сражение¹, и афиняне победили. В этом сражении пала большая часть лакедемонского войска, почти все неприятельские командиры погибли, и было захвачено восемьдесят кораблей. (3) Когда спустя несколько дней лакедемоняне перенесли войну с моря на сушу, они вторично были побеждены. (4) Сломленные этими неудачами, они стали просить мира, однако стараниями тех, для кого была выгодна эта война, было сделано все, чтобы мир не был заключен. (5) Между тем и вспомогательные сиракузские отряды были отозваны на родину из-за нападения карфагенян на Сицилию². (6) Всем этим лакедемоняне были поставлены в чрезвычайно затруднительное положение, а Алкивиад тем временем опустошал со своим победоносным флотом Азию, во многих местах вступал в бой, всюду оставаясь победителем, снова возвращал [Афинам] отпавшие государства, а некоторые из них захватил и подчинил афинскому господству. (7) Так, он вернул былую славу [афинскому флоту] и, присоединив к этому славные победы на суше, возвратился как желанный [гость] для всех сограждан в Афины³. (8) Во всех этих боях было захвачено двести вражеских кораблей и громадная добыча. (9) Навстречу этому возвращающемуся с торжеством войску высыпали толпой все граждане, восхищаясь воинами, особенно же самим Алкивиадом. (10) На него были устремлены взоры всего государства, к нему обращены все лица, на него смотрели как на посланника неба, как на воплощение самой победы. (11) Его восхваляли за то, что он сделал для родины, и не менее удивлялись тому, что он совершил во время изгнания во вред ей, оправдывая его, однако, тем, что он поступил [так] разгневанный и раздраженный. (12) И действительно, такое значение имел этот один человек, что он явился виновником и крушения столь великого государства (*maximi imperii*) и восстановления его; где бы он ни появлялся, там была и победа, и изменчивое счастье изумительным образом шло вслед за ним. (13) Поэтому-то его осыпали почестями, не только подобающими человеку, но и воздаваемыми лишь божеству. Все наперебой со-

затем обратились к демократически настроенным афинским войскам на о-ве Самосе. Но когда войска на о-ве Самосе изъявили желание немедленно отправиться в Афины, чтобы расправиться там с правительством Четырехсот, Алкивиад отговорил войска от этого (*Thucyd.*, VIII, 82, 2). Но Аристотелю (*Ath. pol.*, 33, 2), совет Четырехсот был низвергнут Аристократом и Фераменом (ср. *Thucyd.*, VIII, 89 сл.; *Dem.*, LV, III, 67).

¹ Морская битва при Абидосе (осень 411 г. до н. э.) закончилась победой афинян, но не такой решительной, как по Юстину — ср. *Xen.*, *Hell.*, I, 1, 5 сл.; *Diod.*, XIII, 45 — 46; *Plut.*, *Ale.*, 27, 2 — 6. У Юстина, повидимому, спутана битва при Абидосе с битвой на суше и на море под Кизиком (410 г. до н. э.), в которой афиняне под командованием Алкивиада нанесли сокрушительное поражение персидскими силами, сражавшимся под командованием спартанца Миндара и персидского сатрапа Фарнабаза. Во время битвы под Кизиком весь пелопоннесский флот был захвачен афинянами и сам Миндар погиб (*Xen.*, *Hell.*, I, 1, 14 — 18; *Diod.*, XIII, 49 — 51; *Plut.*, *Ale.*, 28). О мирных предложениях лакедемонян после поражения при Кизике см. *Diod.*, XIII, 52 — 53. Ксенофонт об этом вовсе не говорит. Аристотель (*Ath. pol.*, 34, 1) упоминает мирные предложения лакедемонян, но относит их ко времени после битвы при Аргинусских островах (406 г. до н. э.). Ср. *Aesch.*, II, 76. Диодор, Аристотель и Эсхин возлагают главную ответственность за отказ афинян принять мирные предложения лакедемонян на демагога Клеофонта.

² В 410 г. до н. э. началась война между Карфагеном и Эгестой, с одной стороны, и Селинунтом — с другой. См. *Diod.*, XIII, 43 — 44; 54 сл. Сиракузы приняли активное участие в борьбе против карфагенян только на следующий год.

³ По Ксенофонту (*Hell.*, I, 4, 11 — 21), Алкивиад (весной 407 г. до н. э.) высадился в Пирее только после того как он нашел в толпе, далеко не единодушно настроенной по отношению к нему, своих родственников и друзей, которые провели его в город как бы под своей охраной. Ср. *Diod.*, XIII, 68 — 69; *Plut.*, *Ale.*, 32.

перничали [в оказании ему почестей], так что изгнание его не было столь унижительным, сколь почетным было его возвращение. (14) Навстречу ему с приветствиями вынесли [изображения] тех самых богов, проклятию которых он был предан. (15) И кого незадолго перед тем поставили вне закона, с радостью вознесли бы на небо, если бы могли. (16) Оскорбление старались загладить почестями, убытки дарами, проклятия молитвами. (17) И у всех на устах были теперь не поражения в Сицилии, а победы в Греции, говорили не о том флоте, который он погубил, а о том, который он захватил; вспоминали не о Сиракузах, а об Ионии и Геллеспонте. (18) Так, по отношению к Алкивиаду сограждане его никогда не знали меры, ни в оскорблениях, ни в восторгах.

Гл. 5. (1) Пока все это происходило, лакедемоняне поставили во главе флота и войска Лисандра, а персидский царь Дарий назначил в Ионию и Иллию вместо Тиссаферна своего сына Кира, который, снабдив лакедемонян вспомогательными отрядами и средствами [для ведения войны], возбудил в них надежду вернуть себе былые успехи. (2) Итак, с возросшими силами они неожиданно напали на Алкивиада¹, который [в это время] отправился с сотней кораблей в Азию, и считая себя в безопасности, стал опустошать там земли, обогатившиеся за время долгого мира. Солдаты его, соблазненные добычей и не опасаясь засады, разбрелись повсюду; (3) и в этих рассеявшихся отрядах столько было убито, что в этой битве афиняне понесли большие потери, чем сами нанесли врагу в предыдущих боях. (4) В Афинах это вызвало такое отчаяние, что Алкивиада тотчас же как командующего заменили Кононом, (5) считая, что в их поражении виной не военное счастье, а предательство полководца. Прежние предательские поступки Алкивиада перевесили его недавние заслуги. (6) Стали говорить, что он только для того и одерживал победы в предыдущей войне, чтобы показать врагам, каким полководцем они пренебрегли и чтобы дорожке продать врагам эту самую победу. (7) Все это казалось правдоподобным по отношению к Алкивиаду, в котором сочетались величайшая сила таланта с распущенностью нравов. (8) Опасаясь безудержного гнева толпы (*multitudinis*), Алкивиад снова ушел в добровольное изгнание.

Гл. 6². (1) Итак, Конон, поставленный на место Алкивиада, ясно сознавая, какого вождя он заместил, с величайшим усердием стал снаряжать флот. (2) Но кораблям

¹ У Юстина объединены, повидимому, в один два эпизода войны в Ионии в конце 407 г. до н.э.: бой при Нотии и опустошение Алкивиадом территории города-союзника Кимы (согласно некоторым современным исследованиям, битва при Нотии произошла весной 406 г. до н.э. — см. W. S. Ferguson, CAG, V, стр. 483 — 485. Ср. статью A. Andrewes, JHS, т. 73, 1953, стр. 2—9). Неверно, таким образом, обрисована битва при Нотии, которая, по другим источникам, произошла в отсутствие Алкивиада (Xen., Hell., I, 5, 11 — 14; Plut., Alc., 35; Lys., 5; Dio d., XIII, 71 и 73). По Плутарху (Lys., 5; ср. Alc., 38, 2), поражение афинян при Нотии было само по себе не особенно важным, но эта неудача в совокупности с другими обвинениями, выдвинутыми против Алкивиада, привела к тому, что афиняне лишили Алкивиада командования, избрав десять новых стратегов, среди которых был Конон. После этого Алкивиад не решился возвратиться в Афины, а удалился на Херсонес Фракийский (Xen., Hell., I, 5, 16 — 17; Plut., Alc., 36; Lys., 10; Dio d., XIII, 73 — 74).

² В этом месте у Трога, повидимому, была описана последняя фаза (406—405 гг. до н.э.) Пелопоннесской войны. Но по одному рассказу Юстина трудно было бы восстановить действительный ход событий. По свидетельству других источников, затруднения афинян с экипажем (Iust., V, 6, 2 слл.) возникли скорее из-за финансовой нужды, чем из-за потерь в боях (§ 4), и их начало относится к периоду до битвы при Аргинусских островах (летом 406). Сообщение Юстина (§ 5) о том, что афиняне приняли специальные меры с целью пополнить людской состав войск, относится, надо полагать, также к предшествующему периоду, когда Конон, потерявший в бою почти половину уже сокращенного флота, был заперт неприятелем в Митиленской гавани (Xen., Hell., I, 6, 17). В это время афиняне впервые че-

нехватало экипажа, так как храбрейшие воины погибли во время грабежей в Азии. (3) Тогда призвали к оружию стариков и подростков, и по численности войско было пополнено, но сильнее от этого не стало. (4) Недолго могла тянуться война с людьми по возрасту небоеспособными. Одни из них погибали то здесь, то там, другие, обращаясь в бегство, попадали в плен. Потери убитыми и пленными были таковы, что, казалось, погибает не только мощь, но и само имя афинян. (5) Потери в этих боях и совершенно отчаянное положение дел довели афинян до такой крайней нужды, что, не имея более мужчин призывного возраста, они стали давать иностранцам права гражданства, рабам свободу, осужденным помилование. (6) И те, кто были ранее властителями Греции, едва могли, кое-как сколотив такое разношерстное войско, сохранить свою собственную свободу. (7) И все же они решили снова попытать счастья на море. (8) Они были настолько мужественны духом, что, недавно еще не надеясь спастись, теперь стали надеяться на победу. (9) Однако и воин был уже не тот, которому было бы дорого имя афинянина, и силы были не те, с которыми они прежде привыкли побеждать, да и знания военного дела не было у тех, кто провел свою жизнь не в лагере, а в тюрьме. Поэтому все они либо были взяты в плен, либо перебиты. (10) Так как из этих боев вышел уцелевшим один только военачальник Конон, то он, боясь жестокой кары со стороны сограждан, с восемью кораблями отплыл к кипрскому царю Эвагору.

Гл. 7. (1) А спартанский полководец Лисандр после такой удачи захотел поиздеваться над несчастьем врагов. (2) Захваченные корабли с военной добычей он отослал в Лакедемон, украсив их, как для триумфа; (3) он принял под свою власть добровольно перешедшие на его сторону государства, которые прежде платили дань афинянам и которых до сих пор удерживала в повиновении только неуверенность в исходе войны¹; афинянам же из всех их владений он оставил только самый их город. (4) Когда все это стало известно в Афинах, все жители, охваченные ужасом, стараясь узнать, что свои дома и метались по улицам, расспрашивали друг друга, стараясь узнать, кто сообщил эти вести. (5) Ни неразумные дети, ни дряхлые старцы, ни слабые женщины не были в силах оставаться в своих домах, настолько сильно охватило сознание столь великого бедствия людей любого возраста. (6) Наконец, все собираются на площади и здесь всю ночь проводят в сетованиях на несчастье, постигшее их государство. (7) Одни оплакивают братьев, сыновей, отцов, другие родственников, третьи друзей, более дорогих для них, чем родственники, оплакивают и свое личное и общую беду; (8) думают, что и сами они погибнут, и родина погибнет, а судьба тех, кто остался в живых, еще печальнее судьбы погибших. (9) Каждый видит перед собой осаду, голод, надменного еще печальнее судьбы погибших. (10) Каждый представляет себе разрушение города, пожары, плен и жалобноносного врага, (11) представляет себе разрушение города, пожары, плен и жалобноносного врага, (12) представляет себе разрушение города, пожары, плен и жалобноносного врага. (11) Поистине, говорят, когда в прежние времена город подвергался разрушению, то это происходило при более счастливых обстоятельствах, ведь разрушались только жилища, но невредимы были сыновья и отцы². (12) Теперь же не осталось ни флота, на котором можно было бы найти убежище, как некогда, ни войска,

занимали низкопробные монеты, вместо серебряных «сов» (Aristoph., Ran., 718 слл. и схолии к 725) и создали новый флот из ста двадцати кораблей, составив экипаж из «всех людей призывного возраста, как свободных, так и рабов» (Xen., Hell., I, 6, 24; Aristoph., Ran., 33, 693 слл.). По Диодору (XIII, 97), афиняне «дали гражданство метекам и другим иностранцам, желающим вместе с ними воевать». Этими силами они и нанесли поражение лакедемонянам у Аргинусских островов. Что касается битвы при Эгоспотамах (сентябрь 405 г. до н. э.), то в других источниках поражение афинян в этом последнем бою объясняется не низким качеством афинского экипажа (только Непот обвиняет его в «immodestia» — см. Lys., 1), а ошибочной тактикой стратегов или же их предательством (см. Xen., Hell., II, 1, 32; Plut., Alc., 37, 2; Lys., 11, 1; Lys., XIV, 38; II, 58; Dem., XIX, 191; Paus., IV, 17, 3; X, 9, 11).

¹ За исключением Самоса, который Лисандру пришлось осаждать в течение примерно одного года (Xen., Hell., II, 2, 6; II, 3, 6).

² Юстин имеет в виду события 480 г. до н. э. С изложением Юстина в этой главе ср. Xen., Hell., II, 2, 3.

спасшись благодаря доблести которого, можно было бы построить еще более прекрасные городские стены.

Гл. 8. (1) К городу, таким образом оплаканному и почти погибшему, подступили враги и, осадив его, стали изнурять осажденных голодом¹. (2) Враги знали, что в Афинах от ранее подвезенных запасов не много уцелело, и приняли меры к тому, чтобы нельзя было подвезти новые. (3) Сломленные всеми этими бедствиями, после долгой голодовки, похоронив множество своих сограждан, афиняне стали просить мира. Долго спорили спартанцы и их союзники, следует ли заключать мир или нет. (4) Многие² высказывали мнение, что следует уничтожить само имя афинян, а город сжечь дотла, но спартанцы заявили, что они не станут вырывать одно из двух очей Греции, (5) и обещали афинянам мир, если те разрушат обе линии стен от Афин к Пирею, выдадут все уцелевшие корабли и примут для управления государством тридцать правителей по назначению спартанцев³. (6) После того как город сдался⁴ на этих условиях, лакедемоняне поручили Лисандру организовать в нем управление. (7) Ознаменован этот год завоеванием Афин, смертью персидского царя Дария и изгнанием сицилийского тирана Днионсия⁵. (8) С изменением государственного устройства (*statu*) Афин изменилось и положение граждан. (9) Были назначены тридцать правителей государства⁶, а превратились они в тридцать тиранов. (10) Ибо с самого начала они набрали себе отряд телохранителей в три тысячи человек⁷, между тем как после

¹ С суши цари Агис и Павсаний, с моря — Лисандр. Осада Афин началась зимой 405 г. до н. э.

² Фиванцы, коринфяне (Хен., *Hell.*, II, 2, 19; ср. VI, 5, 35, 46; *Isochr.*, XIV, 31; *Plut.*, *Lys.*, 15).

³ Плутарх (*Lys.*, 14) приводит решение спартанских эфоров об условиях мира, предложенных афинянам и принятых ими. Согласно этим условиям, афиняне должны были разрушить укрепления Пирея и Длинные стены, отказаться от всех территорий, кроме самой Аттики, принять назад всех изгнанников, с кораблями поступить в соответствии с особым приказом. По Ксенофону (*Hell.*, II, 2, 20), афиняне должны были передать победителям все корабли, кроме двенадцати (ср. *Dioid.*, XIII, 107 — кроме десяти), и во внешней политике руководствоваться интересами Спарты. Аристотель (*Ath. Pol.*, 34,3) и Диодор (XIV, 3,2) упоминают в качестве условия мира установление *πάτριος πολιτεία*; Ксенофонт (*Hell.*, II, 3,2) сообщает, что Тридцать были избраны для составления *πάτριος νόμος*. Стр. *Lys.*, XII, 70.

⁴ Лисандр взял город в апреле 404 г. до н.э. (*Plut.*, *Lys.*, 15,1).

⁵ Сообщение об изгнании Днионсия I ошибочно: став тираном ок. 405 г. до н.э., он оставался им до смерти (367 г. до н.э.).

⁶ Тридцать были избраны на собрании экклесии, но имена двадцати из них были представлены для голосования в списках, уже подготовленных олигархическими группами (*Lys.*, XII, 76; ср. Хен., *Hell.*, II, 3,2). Правление Тридцати продолжалось примерно восемь месяцев (Хен., *Hell.*, II, 4, 21). По Ксенофону, оно началось летом 404 г. до н. э. После низвержения Тридцати пришли к власти другие олигархи. Демократия была восстановлена осенью 403 г. до н. э. (*Plut.*, *Mor.*, 349 F), когда произошло примирение «городских» с «людьми из Пирея» и изгнанники-демократы вернулись в город. Наши главные источники об этих событиях: Ксенофонт (*Hell.*, II, 3—4), Аристотель (*Ath. pol.*, 34—39), Диодор (XIV, 3—6, 32—33), речи Лисия (особенно XII и XIII) и других ораторов IV в. до н. э. Рассказ Юстина стоит ближе к версиям Диодора (Эфора) и Ксенофонта, чем Аристотеля. С современной литературой, связанной с событиями 404 — 403 гг. до н. э. в Афинах, знакомит библиография у В. С. Сергеева, *История древней Греции*, М., 1948, стр. 507; кроме того, см. G. Colin, *Xénophon historien d'après le livre II des Helléniques*, Paris, 1933; P. Cloché, *La Démocratie athénienne*, Paris, 1951; Веллох, *Die zweite Oligarchie in Athen*, *Griech. Gesch.*, III², 2, стр. 204.

⁷ В сообщении Юстина об «отряде телохранителей в три тысячи человек» спутаны, повидимому, две меры, принятые Тридцатью с целью упрочения власти: Аристотель

такого количества поражений даже и граждан стольких, пожалуй, не насчитывалось. (11) И как будто бы этого войска все же не хватало для сохранения порядка в государстве, они получили от победителей еще семьсот солдат¹. (12) После этого они приступили к убийству граждан, решив начать с Алкивиада, чтобы тот снова не вторгся в Афинское государство, якобы для его освобождения. (13) Узнав, что Алкивиад отправился к персидскому царю Артаксерксу, они [тираны] поспешно послали туда людей, чтобы перехватить его. (14) Алкивиада настигли, но так как убить его в открытом бою было невозможно, то его сожгли заживо в помещении, где он спал².

Гл. 9. (1) Избавившись таким образом от страха перед мстителем, тираны выжимали убийствами и грабежами последнее, чем еще владели жалкие остатки афинского гражданства³. (2) Когда они узнали, что одному из них [тиранов], Ферамену, их поступки не нравятся, они умертвили и его для устрашения остальных⁴. (3) По этому из города началось повальное бегство и вся Греция наполнилась афинскими изгнанниками. (4) Когда же у этих несчастных было отнято это единственное средство к спасению, — так как по распоряжению лакедемонян государствам, [зависящим от них], было запрещено принимать изгнанников, — тогда все они собрались в Аргосе и Фивах. (5) Здесь они обрели не только безопасное убежище, но даже надежду на возвращение в отечество. (6) Среди изгнанников был Фрасибул, человек отважный, благородного происхождения, решившийся ради отечества и общего блага отважиться на дело, даже и очень опасное. Объединив изгнанников, Фрасибул захватил в пределах Аттики крепость Филу. (7) Свое содействие оказали и некоторые государства, из жалости к [афинянам, испытавшим] столь жестокие бедствия. (8) Так, вождем фиванцев Исмений, хотя не мог оказать помощь афинянам за счет государства, помог им из собственных средств. (9) Лисий, оратор из Сиракуз⁴, бывший тогда сам в изгнании, снарядил на свой счет пятьсот воинов и прислал их на помощь родине всемирного красноречия. (10) Произошло ожесточенное сражение. Но так как, с одной стороны, бойцы напрягали все силы, сражаясь за родину, а с другой — бились неохотно за чужую власть, то тираны были побеждены. (11) После поражения они бежали в город и вооруженным нападением довершили разорение города, уже истощенного убийствами. (12) Затем, подозревая всех афинян в измене, они приказали им покинуть город и поселиться между двумя линиями разрушенных [Длинных] стен, а власть свою стали защищать с помощью иноземных солдат. (13) После этого они сделали попытку подкупить Фрасибула, обещая ему долю участия во власти (*imperii societatem*). (14) Когда эта попытка не удалась, они обратились к лакедемонянам

(Ath. pol., 35,1) указывает, что в самом начале своего правления Тридцать создали отряд из трехсот слуг-биченосцев; с другой стороны, согласно свидетельству того же Аристотеля и Ксенофонта, в качестве уступки умеренным взглядам Ферамена Тридцать решили составить список (*κατάλογος*) из трех тысяч лиц, которые должны были участвовать в правлении (Arist., Ath. pol., 36, 1; Xen., Hell., II, 3, 18; ср. Diod., XIV, 32, 4). См. С. А. Жебелев, О «тирании Тридцати» в Афинах, ВДИ, 1940, № 1, стр. 30 — 32.

¹ Аристотель (Ath. Pol., 37,2) приводит то же число.

² Разные версии о смерти Алкивиада — см. Plut., Alc., 38—39; Diod. (ссылка на Эфора), XIV, 11; Nepos, Alc., 10; Isocr., XVI, 40.

³ В источниках, относящихся к IV в. до н. э., Ферамену приписывается большая роль — или как представителю политики «среднего пути» между крайней олигархией и демократией (см. Arist., Ath. pol., 28, 5; 34,3), или как беспринципному предателю (см. Lys., XII, 62 сл., особ. 78). См. также характеристику, данную Ферамену Ксенофонтом (Hell., II, 3,24—49).

⁴ Отец Лисия был из Сиракуз, сам оратор родился в Афинах. О его помощи афинским демократам см. Plut., Mor., 835 F. О помощи, оказанной аргивянами и фивянами, см. Dem., XV, 22; Diod., XIV, 6; 32,1; Plut., Lys., 27.

с просьбой прислать им вспомогательные отряды и, получив их, продолжали войну¹. (15) Во время этой войны пали самые беспощадные из всех тиранов — Критий и Гипполох².

Гл. 10. (1) После того как остальные [тираны] были побеждены, а войско их, состоявшее по большей части из афинян, обратилось в бегство, Фрасибул громко воскликнул³: почему они предпочитают бежать от него, победителя, а не помогать ему, защитнику общей свободы? (2) Пусть они вспомнят, что это [его] войско — войско сограждан, а не врагов, что он, [Фрасибул], не для того взялся за оружие, чтобы у них что-либо отнять, а чтобы отнятое у них вернуть, что он ведет войну с тридцатью владыками, а не с государством [афинским]. (3) Затем Фрасибул напомнил о кровном родстве, об общих законах и святынях, о бывшем боевом товариществе в стольких походах, просил их хоть сжалиться над согражданами-изгнанниками, если сами они так терпеливо сносят порабощение; пусть они вернут ему, Фрасибулу, отечество и получают за то свободу. (4) Этими словами войско было так потрясено, что, возвратившись в город, потребовало от тридцати тиранов, чтобы они удалились в Элевсин. Вместо них для управления государством было поставлено десять человек⁴. (5) Однако эти Десять, несколько не уstraшенные примером своих предшественников по власти, вступили на тот же путь жестокостей. (6) Между тем до Лакедемона дошла весть, что в Афинах вспыхнула война⁵. Чтобы прекратить ее, послали царя Павсания. (7) Павсаний, движимый состраданием к изгнанному народу, вернул несчастным гражданам отечество и приказал десятирем тиранам отправиться из города к прочим в Элевсин. (8) Этим был восстановлен мир. Но спустя некоторое время⁶ тираны, не меньше негодуя на то, что изгнанники вернулись в Афины, чем на то, что они сами стали изгнанниками, как будто свобода для других означала рабство для них, внезапно напали на афинян. (9) Но когда они прибыли на переговоры об условиях, на которых им якобы должна была быть возвращена власть, они попали в засаду и были убиты в качестве благодарственной жертвы за установление мира. Те, кому тираны приказали выселиться, были призваны обратно в город. (10) Так распавшееся на многие части государство снова стало единым целым, (11) и чтобы память о прошлом не породила новых раздоров, все принесли торжественную клятву предать забвению бывшие распри⁷. (12) Между тем фивяне и корин-

¹ Заслуживает внимания тот факт, что в §§ 12 — 14 рассказ Трога в значительной степени напоминает аналогичный рассказ Диодора (XIV, 32,4—33,1), к тому же известие о попытке Тридцати подкупить Фрасибула имеется только у Юстина и Диодора.

² В других рукописях Hippomachus. Членами коллегии Тридцати состояли и Гиппомакх и Гипполох (см. Xen., Hell., II, 3, 2). У Ксенофонта (Hell., II, 4, 19) говорится, что Гиппомакх (а не Гипполох) был убит вместе с Критием в битве при Мунихии.

³ Речь, приписанная Юстином Фрасибулу, по своему содержанию довольно близка к речи Клеокрита у Ксенофонта (Hell., II, 4, 20 — 22).

⁴ С изложенным в §§ 4 — 5 ср. Diod., XIV, 33, 5; Lys., XII, 54 — 61; Xen., Hell., II, 4, 23; Arist., Ath. pol., 38.

⁵ Юстин не упоминает о том, что Десять вызвали к себе на помощь Лисандра с наемными войсками и получили от Спарты заем в сто талантов — см. Arist., Ath. pol., 38, 4; Lys., XII, 58 — 59; Diod., XIV, 33, 5; Xen., Hell., II, 4, 28. О мотивах прибытия Павсания в Афины ср. Xen., Hell., II, 4, 29, 36; Diod., XIV, 33, 6; Plut., Lys., 21; о его отношении к изгнанникам см. также Lys., XVIII, 10—12.

⁶ В 401 г. до н. э. — см. Arist., Ath. pol., 40, 3; Xen., Hell., II, 4, 43.

⁷ Об амнистии — см. Xen., Hell., II, 4, 43; Andoc., I, 90; Arist., Ath. pol., 39, 6; Aeschin., II, 176; Nepos, Thras., 3.

фине¹ отправили к лакедемонянам посольства с требованием своей доли из добычи, захваченной во время общей войны и военных опасностей. (13) Получив отказ, они не решились вынести открыто постановление о войне против лакедемонян, но втайне были охвачены таким гневом, что ясно было, что война назревает².

Гл. 11. (1) Почти в это самое время умер персидский царь Дарий, оставив двух сыновей, Артаксеркса и Кира. (2) По завещанию Дарий царство оставил Артаксерксу, а Киру те области (civitates), которыми тот управлял³. (3) Но Киру отцовское решение показалось несправедливым⁴, поэтому он стал тайно готовиться к войне против брата. (4) Когда Артаксерксу сообщили об этом, он вызвал к себе брата, который лицемерно стал заверять его в своей невиновности и отрицать свои военные приготовления; тогда Артаксеркс заковал брата в золотые кандалы и убил бы его, если бы этому не помешала их мать⁵. (5) Кир был отпущен и стал готовиться к войне уже не тайно, а явно, и, отбросив притворство, открыто объявил об этом⁶. Со всех сторон он стал стягивать к себе отряды. (6) Лакедемоняне, которым он усердно помогал в войне с афинянами, постановили из признательности послать ему вспомогательные отряды, когда это потребует, делая вид, что не знают, против кого собственно готовится война⁷. (7) Лакедемоняне рассчитывали, таким образом, и на расположение Кира и на снисходительность Артаксеркса, если последний победит, так как открыто они никакого постановления против Артаксеркса не выносили. (8) Но когда во время битвы⁸ боевая случайность свела братьев лицом к лицу, Кир сперва ранил Артаксеркса, (9) но конь вынес Артаксеркса из опасного места, а Кир был ранен отрядом царских телохранителей и убит. Таким образом, победитель Артаксеркс завладел и военной добычей и войском брата. (10) Во время этого сражения на стороне Кира сражались десять тысяч греков, которые и на том фланге, где они стояли, одержали победу и после смерти Кира не поддались ни натиску столь многочисленной, одержавшей победу и после смерти Кира не поддались ни натиску столь многочисленного царского войска, ни хитрости [персов]; (11) а при возвращении, пройдя через земли стольких непокоренных народов и варварских племен, они, доблестно защищаясь, после невероятно долгих переходов все же прибыли к границам своего отечества.

¹ Резкое охлаждение в отношениях между Спартой и некоторыми из ее союзников наметилось, повидимому, сразу же после окончательного поражения Афин в Пелопоннесской войне. О требованиях фивян и др. участвовать в распределении военной добычи — см. *Plut., Lys.*, 27; *Xen., Hell.*, III, 5, 5 и 12. Показательно также и то, что когда царь Павсаний собирал союзнические войска для похода на помощь олигархам в Афинах, коринфяне и беотийцы отказались присоединиться (*Xen., Hell.*, II, 4, 30), и когда афинские олигархи послали в Спарту за помощью против демократов в Пирее, они доказывали лакедемонянам, что, если пирейцы победят, то беотийцы овладеют Атикой (*Lys.*, XII, 58; ср. *Xen., Hell.*, II, 4, 28).

² В этих словах можно различить намек на грядущие события 395 — 394 гг. до н. э. (см. ниже, VI, 4 слл.).

³ См. выше, V, 5, 1. О походе десяти тысяч см. *Xen., Anab.*; *Diod.*, XIV, 19—34; *Plut., Artax.*, 1 — 13.

⁴ На том основании, что он, Кир, родился после того, как отец его Дарий II взошел на престол, Артаксеркс же — до этого события (*Plut., Artax.*, 2). Ср. выше, II, 10.

⁵ Ср. *Xen., Anab.*, I, 1, 3; ср. *Plut., Artax.*, 3.

⁶ Согласно другим источникам (*Xen., Anab.*, I, 1, 6 слл.; ср. *Plut., Artax.*, 4), Кир все еще в строгой тайне готовился к походу против Артаксеркса.

⁷ Ср. *Diod.*, XIV, 19, 5; 21, 2; *Xen., Hell.*, III, 1, 1; *Isocr.*, VIII, 98; XII, 104; *Plut., Artax.*, 6, 2. Ближе всего к рассказу Юстина изложение Диодора.

⁸ Битва при Кунаксе — 401 г. до н. э. (*Plut., Artax.*, 8).

КНИГА VI

Гл. 1. (1) Лакедемоняне, как всегда бывает у людей — чем больше имеешь, тем больше хочется иметь, не довольствуясь тем, что удвоили свои силы присоединением афинских владений (*Atheniensium opum*), начали стремиться захватить власть над Азией, но большая ее часть находилась тогда под властью персов. (2) Для ведения военных операций в Азии в качестве командующего был избран Геркулдид¹; когда он увидел, что ему предстоит сражаться одновременно против двух сатрапов Артаксеркса — Фарнабаза² и Тиссаферна³, опиравшихся на силы [многих] мощных племен, он решил вступить с одним из них в мирные переговоры. (3) Более подходящим для этой цели показался ему Тиссаферн, человек более энергичный, в войске которого было к тому же больше воинов из тех, что прежде служили у царя Кира⁴. Тиссаферн пошел на переговоры и, после того как условия были установлены, прекратил военные действия. (4) Фарнабаз сообщил об этом царю⁵, которому они оба были подчинены, и обвинил Тиссаферна в том, что тот не только не отразил оружием вторжения лакедемонян в Азию, (5) а даже содержал их на царские средства и путем подкуна добился от них затягивания военных действий на том участке, где командовал он, как будто любая неудача не идет во вред всему государству как целому. (6) По его мнению, подло не вести войны, а откупаться от них, отражать врага не оружием, а деньгами. (7) Восстановив царя такими речами против Тиссаферна, Фарнабаз убедил его назначить вместо Тиссаферна главнокомандующим в морской войне афинянина Конона, который жил в изгнании на Кипре, потеряв после войны свою родину. (8) [Фарнабаз указал, что] афиняне, хотя силы их и сломлены, все же остались опытными мореходами и что если делать выбор из всех [навархов], то не найти никого лучше Конона. (9) Фарнабаз получил 500 талантов и приказ поставить Конона во главе флота.

Гл. 2. (1) Когда лакедемоняне узнали об этом, они сами обратились через послов за помощью для войны на море к египетскому царю Герциниону, (2) и тот прислал им 100 трирем и 600 000 модиев хлеба в зерне⁶; лакедемоняне стянули к себе также огромные вспомогательные отряды от других союзников. (3) Однако у столь большого войска и притом против такого выдающегося полководца не было до-

¹ По другим источникам, Деркиллид, которому предшествовал Фиброн (*Xen.*, *Hell.*, III, 1, 3 — 8; *Diod.*, XIV, 35 — 38). Согласно Ксенофону и Диодору, лакедемоняне прислали этих полководцев по просьбе греческих городов в Ионии. Широкие замыслы лакедемонян в отношении завоевания Азии (*Iust.*, VI, 1, 1) у остальных авторов связаны с походом Агесилая (*Xen.*, *Hell.*, III, 5, 1; IV, 1, 41; IV, 2, 3; *Agasil.*, I, 8; I, 36; *Plut. Agasil.*, 15; *Pauls.*, III, 9, 1).

² Фарнабаз — сатрап в северо-западной части Малой Азии.

³ Тиссаферн (ср. V, 2, 5) — сатрап в приморских провинциях южной части Передней Азии. После гибели Кира Тиссаферн получил и его сатрапию (*Xen.*, *Hell.*, III, 1, 3).

⁴ См. выше, V, 11, 10. Кир был не царем, а сатрапом (см. *Xen.*, *Anab.*, I, 1, 2; *Hell.*, I, 4, 3). О соглашении между Деркиллидом и Тиссаферном (ок. 399 — 398 гг. до н. э.) — см. *Xen.*, *Hell.*, III, 1, 9.

⁵ Об этом разговоре имеются известия у Диодора (XIV, 39, 1). Последний, не упоминая об обвинениях Фарнабаза против Тиссаферна, сообщает только о том, как Фарнабаз уговорил царя назначить Конона навархом персидского флота и получил на снаряжение флота 500 талантов. Затем Фарнабаз присоединился к Тиссаферну, ставшему начальником всех персидских военных сил в Передней Азии (*Xen.*, *Hell.*, III, 2, 13). О назначении Конона см. также *Plut.*, *Artax.*, 21.

⁶ Известие о египетской помощи лакедемонянам имеется только у Юстина и Диодора (XIV, 79). Согласно Диодору, царь Египта по имени Неферей (см. Б. А. Тураев, История древнего Востока, JL, 1935, II, стр. 155) выслал вооружение для ста кораблей и 500 000 мер хлеба. Это попало в руки Конона.

стойного командующего. (4) Когда же союзники потребовали, чтобы вождем был поставлен Агесилай¹, тогдашний спартанский царь, то лакедемоняне долго обдумывали, можно ли передать ему верховное командование. Причиной споров было предсказание Дельфийского оракула, (5) что власти их придет конец, когда станет хромать царская власть; Агесилай же был хром на одну ногу. (6) В конце концов они решили, что лучше пусть хромает царь в ходьбе, чем государство в управлении (*quam regnum imperio*). (7) После этого они послали в Азию Агесилая с огромным войском. Не легко сказать, было ли когда-либо двое полководцев, столь равноценных друг другу, [как Агесилай и Конон]. (8) Возраст, доблесть, проникательность, ум были у обоих почти одинаковы, так же как и слава их подвигов; (9) и так как судьба дала им все поровну, то и не позволила ни одному из них одолеть другого. (10) У обоих были велики и военные силы, велики были и их подвиги. (11) Но в войсках Конона вспыхнул бунт солдат, которых царские сатрапы обычно обманывали при выплате жалованья. Солдаты тем настойчивее требовали положенной им платы, чем яснее представляли себе, насколько тяжела будет их служба под командой такого великого полководца. (12) Поэтому Конон, который долго, но тщетно докучал царю письмами, наконец сам отправился к царю² (13), к которому его, однако, не допустили и не позволили лично с ним беседовать, так как Конон не пожелал по персидскому обычаю пасть перед царем ниц, как перед богом (*adorare noluit*). (14) Конон сносился с царем через посредников и жаловался на то, что война, начатая богатейшим царем, останавливается из-за недостатка в денежных средствах; и он [царь], имеющий войско, равное вражескому, оказывается побежденным деньгами, которых у него как раз больше [чем у врагов], и уступает противнику именно в том, в чем он в действительности намного сильнее его. (15) Конон потребовал, чтобы в его распоряжение был предоставлен только один казначей, так как поручать это дело многим весьма опасно. (16) После того, как ему выдали деньги на жалованье войнам, он отправился обратно во флот и не стал оттягивать военных действий. Много храбрых подвигов он совершил, во многом на его стороне было счастье, он опустошал вражеские поля, захватывал города, как буря низвергал все на своем пути. (17) Испуганные этим лакедемоняне решили для защиты родины отозвать Агесилая из Азии³.

Гл. 3. (1) Между тем Писандр⁴, которого Агесилай при отъезде оставил для управления⁵, с напряжением всех сил снарядил огромный флот, намереваясь испытать военное счастье. (2) Равным образом и Конон, собираясь теперь впервые столкнуться с врагом, тщательно приводил в порядок свои военные силы. (3) В последовавшем сражении яростно состязались между собой не только вожди, но и рядовые воины⁶. (4) Ибо и сам полководец Конон не столько старался ради персов, сколько ради родины. (5) И так как в то время, когда афиняне находились

¹ Этот спор разгорелся не в связи с передачей Агесилаю командования в Азии (396 г. до н. э.), а в связи с наследованием им должности царя в Спарте после смерти Агиса (399 г. до н. э.) — см. Xen., Hell., III, 3, 1—4; Plut., Agesil., 3; Lys., 22; Xen., Agesil., 1, 5; Pauls., III, 8, 7—10. Согласно другим источникам (Xen., Hell., III, 4, 2; Plut., Agesil., 6), в решении обоих вопросов сыграло главную роль влияние Лисандра, а не требования союзников.

² О переговорах Конона с Артаксерксом см. Dio d., XIV, 81, 4—5; Nepos, Con., 3—4. О бунте в войсках Конона, см. Hell. Оху, 14—15; ср. Isocr., IV, 142.

³ Агесилай был отозван в Грецию весной 394 г. до н. э. в связи с начавшейся Коринфской войной; см. ниже, VI, 4, 9 и Xen., Hell., IV, 2, 1—2.

⁴ О назначении Писандра навархом лакедемонского флота в Азии и о его родстве с Агесилаем см. Xen., Hell., III, 4, 29; Plut., Agesil., 10.

⁵ Издатель (Ruehl) включает затем [*patriae*].

⁶ В других рукописях: *non tam in ducum in eo proelio...*, quam vulgi aemulatio.

в критическом положении, Конон оказался виновником потери ими господства¹, то тем более ему хотелось считаться восстановителем его; и он старался победой вернуть себе то отечество, которое он потерял после поражения, (6) тем более что он вел борьбу силами не самих афинян, а другого народа²; он мог рисковать за счет царя, а победить — на благо родины и добиться славы иным способом, чем добивались ее прежние афинские вожди. (7) Ибо те защищали родину, одерживая победы над персами, Конон же намеревался вернуть родине ее прежнее место, добившись победы для персов. (8) Далее, в свою очередь, Писандр, будучи в родстве с Агесилаем, соревновался с ним в доблести. Он стремился не отстать от Агесилая ни в подвигах, ни в блеске славы, чтобы господство Лакедемона, добытое столькими войнами в течение стольких веков, не разрушилось в одно краткое мгновение из-за какой-либо его ошибки. (9) Та же забота мучила всех воинов и гребцов, которых не столько волновала мысль, что они [лакедемоняне] потеряют достигнутое могущество, сколько то, что афиняне вернут его себе. (10) Но чем более ожесточенным было сражение³, тем славнее была победа Конона. (11) Побежденные лакедемоняне обратились в бегство, из Афин был выведен вражеский гарнизон⁴. (12) С народа, которому было возвращено его достоинство, было снято ярмо порабощения, и многие государства были вновь присоединены [к афинянам].

Гл. 4. (1) Это было для афинян возрождением их могущества, а для лакедемонян концом его. (2) Как будто утратив вместе с властью над Грецией и свою военную доблесть, лакедемоняне стали предметом презрения для соседей⁵. (3) Первыми пошли на них войной фивяне⁶, которым помогали афиняне. (4) Фиванское государство, начав с захватов земель у соседей, благодаря доблести вождя своего Эпаминонда возвысилось так, что стало питать надежды на господство (*imperium*) над Грецией. (5) Итак, произошло сражение⁷ на суше с таким же исходом для лакедемонян, какой имело сражение на море против Конона. (6) В этом сражении был убит Ли-

¹ Ср. выше, V, 6, 10.

² В других рукописях вместо «populi» — «imperii».

³ Сражение при Книде произошло летом 394 г. до н. э. (см. D i o d., XIV, 83; X e n., Hell. IV, 3, 11—12).

⁴ Другие источники ничего не говорят об удалении спартанского гарнизона из Афин после битвы при Книде. По всей вероятности, он был вызван одновременно с войсками Павсания после восстановления демократии в Афинах в 403 г. до н. э. (см. X e n., Hell., II, 4, 39; ср. D i o d., XIV, 33, 6). У Юстина, вероятно, спутано это событие с восстановлением Длинных стен (см. X e n., Hell., IV, 8, 9—10; D i o d., XIV, 85; I u s t., VI, 5, 8—11). Об освобождении других городов, бывших союзников Афин, от спартанских гармонов и о значении битвы при Книде — см. X e n., Hell., IV, 8, 1—2; D i o d., XIV, 84, 3—5; I s o c r., IX, 56; N e p o s, Con., 4; D i t t e n b e r g e r, Syll³, № 126.

⁵ См. выше, V, 10, 12—13 и прим.

⁶ Речь идет о Беотийской войне 395 г. до н. э. (D i o d., XIV, 81, 3), бывшей прелюдией к Коринфской войне 395 — 386 гг. до н. э. Интересно, то, что, описывая фивян как инициаторов в развязывании войны, Трог следовал за Ксенофонтom (Hell., III, 5, 3—4) и автором отрывка из «Греческой истории» (Hell. Оху., 11, 1; 13; ср. P a u s., III, 9, 9), а не за Диодором (XIV, 81, 1), который обвинял фокидян и лакедемонян в подстрекательстве к войне. В § 4 эпитоматор, очевидно, ради драматического эффекта (ср. выше, V, 10, 13), намекает на грандиозные последствия этого первого столкновения между фивянами и лакедемонянами; об Эпаминонде в 395 г. до н. э., разумеется, не могло быть и речи.

⁷ Битва при Галиарте летом 395 г. до н. э. (ср. X e n., Hell., III, 5, 17—24; D i o d., XIV, 81; P l u t., Lys., 28 — 29). О тройном обвинении спартанских властей против Павсания — см. X e n., Hell., III, 5, 25 (ср. D i o d., XIV, 89). О помощи афинян во время битвы при Галиарте см. X e n., Hell.; D i o d. и P l u t. (ук. места); L y s., XVI, 13.

сандр, под предводительством которого лакедемоняне в свое время победили афинян. (7) Другой же лакедемонский полководец, Павсаний, обвиненный в измене, удалился в изгнание. (8) Фивяне, одержав победу, повели все свое войско к столице лакедемонян, рассчитывая на легкую победу, так как лакедемоняне покинули все их союзники¹. (9) Испуганные этим, лакедемоняне вызвали для защиты родины царя своего Агесилая из Азии, где он совершал великие подвиги. (10). После того как Лисандр был убит, лакедемоняне не доверяли ни одному полководцу, кроме Агесилая. (11). Так как Агесилай несколько задержался, лакедемоняне набрали войско и выступили навстречу врагам. (12). Но у побежденных при встрече со своими недавними победителями ни мужество, ни силы не были равны вражеским. При первом же столкновении лакедемоняне потерпели поражение. (13) Когда лакедемонское войско было уже совсем разбито, подоспел царь Агесилай, который, возобновив бой с помощью своих свежих и закаленных в многочисленных походах солдат, без больших усилий вырвал у врага победу, но сам был тяжело ранен.

Гл. 5. (1) Когда узнали об этом афиняне, они стали опасаться, как бы лакедемоняне, победив, не поработили их снова. (2) Они собрали войско и поручили Ификрату, всего лишь двадцатилетнему, но очень талантливому юноше, вести его на помощь беотийцам². (3) Удивительная доблесть юного Ификрата не соответствовала его возрасту. (4) У афинян до него среди такого количества великих вождей никогда еще не было полководца (*imperatorem*), на которого возлагались бы столь большие надежды и который так рано проявил бы свои дарования, (5) и притом не только в полководческом, но и в ораторском искусстве. (6) Узнав о возвращении Агесилая, из Азии возвратился сам Конон³, чтобы опустошать лакедемонские земли⁴. (7) Таким образом, спартанцы, окруженные со всех сторон ужасами бушующей войны, были доведены до полного отчаяния. (8) Однако Конон, опустошив вражеские земли, отправился в Афины, где был встречен согражданами с большой радостью; сам же он был более огорчен видом своей родины, сожженной и разрушенной лакедемонянами, чем обрадован возвращением домой после такого долгого отсутствия. (9) Поэтому все то, что было сожжено, он вновь отстроил⁵ за счет военной добычи и руками персидских воинов; а то, что было повреждено, починил. (10). Такова была судьба у

¹ В §§ 8—13 изложение неясно в результате произвольных сокращений Юстина. Сообщение § 8 относится к следующему, 394 г. до н. э., когда антилакедемонская коалиция включала не только фивян и афинян, но и коринфян, аргивян и др. В §§ 11—13 мы сталкиваемся с уже знакомым нам у Юстина явлением (ср. выше, V, 4, 1—4; V, 6) смещения различных военных столкновений: летом 394 г. до н. э. произошли две битвы, у Коринфа и Коронен, притом в обоих случаях лакедемоняне победили. См. Xen., *Hell.*, IV, 2, 12, 18—23, IV, 3, 16—21; *Diod.*, XIV, 82—84.

² Ничего не сообщив об участии афинян в широкой антилакедемонской коалиции, Юстин трактует Коринфскую войну как поединок между спартанцами и фивянами, которым афиняне будто бы только «помогали». Ксенофонт (*Hell.*, IV, 4, 9) в первый раз говорит об Ификрате как о вожде наемных войск коалиции, сражавшихся на Истме в 392—391 гг. до н. э. О нововведениях Ификрата в военном деле см. *Diod.*, XV, 44; *Neros, Iph.*, 1; о его ораторском искусстве см. *Dion. Hal., de Lys.*, 12.

³ Конон вернулся в Афины в 393 г. до н. э.

⁴ Ср. Xen., *Hell.*, IV, 8, 7—8; *Diod.*, XIV, 84, 5.

⁵ О восстановлении длинных стен см. прим. к VI, 3, 11. Среди моряков и наемников, использованных Кононом для этой цели, вряд ли были персы. Основное, что дали персы, — это деньги, отпущенные Конону Фарнабазом (см. Xen., *Hell.*, IV, 8, 9; *Neros, Sop.*, 4). Эпиграфические данные (*IG*, II², 1656—1664) свидетельствуют о том, что работа над восстановлением афинских стен началась летом 394 г. до н. э., т. е. за год до прибытия Конона, и окончилась ок. 392—391 гг. до н. э. (см. G. Glotz, *Histoire grecque*, Paris, 1941, т. III, стр. 83, 87, 91 и прим. 42, 58).

Афин: то, что некогда было сожжено персами, было восстановлено их же руками, а то, что теперь было разрушено лакедемонянами, восстановлено за счет добычи, захваченной у лакедемонян. (11) Они обменялись и союзниками: теперь союзниками афинян стали те, которые прежде были их врагами, а врагами оказались те, которые тогда [во время персидского нашествия] были связаны с афинянами теснейшими узами союза.

Гл. 6. (1) Пока это происходило, персидский царь Артаксеркс отправил в Грецию послов¹, через которых приказал, чтобы все греки сложили оружие; кто поступит иначе, тому он будет врагом. Всем государствам Артаксеркс возвратил свободу и закрепил за ними то, чем они владели раньше. (2) Поступил он так не из сочувствия к Греции, истощенной постоянными войнами и кровопролитными взаимными раздорами, (3) но для того, чтобы его войска не задерживались в Греции: он был занят в это время войной с Египтом, которую начал из-за того, что это государство послало лакедемонянам вспомогательные отряды против персидских сатрапов. (4) Греки, утомленные столькими войнами, охотно выполнили его требование. (5) Этот год был замечателен не только тем, что вдруг во всей Греции наступил мир, но и тем, что в это же время был взят галлами город Рим². (6) Однако лакедемоняне стали строить козни против тех, кто оказался беспечен. Воспользовавшись [временным] отсутствием [войска] аркадян, они захватили их крепость, а заняв ее, поместили в ней свой гарнизон³. (7) В ответ на это аркадяне набрали и вооружили войско, призвали на помощь фивян и стали отбивать назад потерянное. (8) В этом сражении был ранен вождь лакедемонян Архидам. (9) Когда он увидел, что его войско разбито и уже побеждено, он попросил через глашатая выдать тела убитых для погребения (10) (этим он, по обычаю греков, признал себя побежденным). Фивяне, удовлетворенные этим признанием, дали сигнал щадить [оставшихся в живых врагов].

Гл. 7. (1) Затем, спустя несколько дней, когда ни та, ни другая сторона не предпринимала никаких враждебных действий, как бы по взаимному молчаливому согласию наступило перемирие; а так как лакедемоняне вели в это время еще одну войну, против своих соседей, то фивяне под предводительством Эпаминонда возымели надежду захватить столицу лакедемонян⁴. (2) С этой целью фивяне в начале ночи потихоньку направились к Лакедемону; однако захватить его жителей врасплох им не удалось. (3) Ибо, предвидя нападение врагов, старики и все небоеспособное по возрасту население сбежалось с оружием в руках к узким [городским] воротам. (4) В бой с пятнадцатью тысячами врагов вступило не больше ста человек уже

¹ Речь идет о так называемом Анталкидовом (или Царском) мире, заключенном в 386 г. до н. э. Условия мира были вовсе не столь благоприятны, как они представлены Юстином, и вызвали недовольство, особенно у фивян и афинян. См. Хен., *Hell.*, V, 1, 29 — 34; *Dio d.*, XIV, 110.

² Ср. *Polub.*, I, 6, 1—2. По другой версии галлы захватили Рим не в 386, а в 390 г. до н. э.

³ Полностью опустив в своем изложении довольно значительный период, в §§ 6—9 эпитоматор переходит прямо от событий конца Коринфской войны (386 г. до н. э.) к последним годам фиванской гегемонии (371—362 гг. до н. э.). Из рассказа Юстина следует, что начало последней положила не битва при Левктрах (371 г. до н. э.), как было в действительности, а события, изложенные выше, VI, 4, 3 сл. Упомянутый Юстином эпизод относится к 364 г. до н. э., когда лакедемоняне во главе с Архидамом взяли местечко Кромн в южной Аркадии — с целью отвлечь силы аркадян от нападения на элейцев, бывших в то время союзниками Спарты. См. Хен., *Hell.*, VII, 4, 20—25, где об участии фивян ничего не сказано.

⁴ Речь идет о вторжении Эпаминонда в Лаконику летом 362 г. до н. э., перед самой битвой при Мантинее. Различные версии этого события см. у Хен., *Hell.*, VII, 5, 9—14; *Dio d.*, XV, 82 сл.; *Polub.*, IX, 8; *Plut.*, *Ages.*, 34; *Polyaen.*, II, 3, 10. В некоторых отношениях изложение Юстина приближается к версии Полибия и, в меньшей мере, Дiodора.

преклонного возраста. (5) Вот как сильно поднимает вид родины и пенатов мужество и мощь, и насколько более возвышает душу их присутствие, чем воспоминание о них! (6) Ибо жители Лакедемона, видя, как и за кого они сражаются, решили или победить, или умереть. (7) Поэтому горсть стариков удержала войско, которому за несколько дней до того не могла противостоять вся лакедемонская молодежь. (8) В этом сражении пали два вражеских полководца, (9) а весть о приближении Агесилая побудила фивян к отступлению. (10) Однако сражение скоро возобновилось¹, так как спартанскую молодежь, воспламененную славой и доблестью старцев, нельзя было удерживать от того, чтобы решить дело оружием немедленно. (11) Уже победа была на стороне фивян, когда Эпаминонд, который в бою не только руководил битвой, но и сражался как храбрейший воин, был тяжело ранен. (12) Когда весть об этом распространилась, одних [фивян] от горя охватил страх, а другие [спартанцы] от радости словно оцепенели, и обе стороны, как бы по молчаливому соглашению, прекратили бой.

Гл. 8. (1) Спустя несколько дней Эпаминонд скончался², в вместе с ним пала и мощь фиванского государства. (2) Ибо если ты отломил у коня самое его острое, то этим сделаешь бесполезной всю остальную железную его часть, так и тут, после того, как смерть унесла Эпаминонда, как бы обломив острое коня, силы фиванского государства исеякли, так что, казалось, его сограждане не только его потеряли, но и сами вместе с ним погибли. (3) Ведь до появления этого полководца фивяне не вели ни одной достойной упоминания войны и после него отличались не доблестями, а поражениями, и всем было ясно, что слава родины с ним родилась и с ним умерла. (4) При этом трудно решить, был ли Эпаминонд лучше как человек или как полководец. (5) Ибо и власти он всегда искал не для себя, а для родины, (6) и к деньгам был настолько равнодушен, что, когда он умер, их нехватало даже на его похороны. (7) И славы он домогался не более, чем денег: ибо к занятию всех высших должностей (*omnia imperia*) его всегда приходилось принуждать против его воли, (8) а почетные должности он всегда исполнял так, что, казалось, не они украшали его, а он служил для них украшением. (9) Он обладал таким рвением к наукам, настолько глубоко знал философию, что можно было лишь удивляться, откуда у человека, воспитанного среди наук, такое знание военного дела. (10) И такому образу жизни вполне соответствовало настроение его перед смертью. (11) Когда его полумертвого принесли в лагерь, он напуган дыханием и голосом спросил у окружающих только об одном — не отнял ли враг у него щит во время его падения [с коня]. (12) Услыхав же, что щит цел, он велел принести его, поцеловал свой щит, как соучастника трудов своих и славы, и задал второй вопрос: кто победил. (13) Услыхав, что победили фивяне, он сказал: все хорошо — и, как будто поздравив родину с победой, испустил дух.

Гл. 9. (1) Со смертью Эпаминонда пала также и афинская доблесть. (2) Как будто, потеряв человека, с которым они привыкли соревноваться, (3) они впали в бездельность и равнодушие и стали расточать государственные доходы не на флот и войско, как некогда, а на празднества и на оборудование игр, (4) стали восторгаться зрелищами с участием знаменитейших актеров и поэтов, чаще видя перед собой сцену, чем военный лагерь, и предпочитая восхвалять стихоплетов, а не полководцев. (5) Тогда же начали делить общественные средства, на которые раньше со-

¹ В битве при Мантинее (июль 362 г. до н. э.) участвовали не только лакедемоняне и фивяне: против фивян, аркадян из Тегей и союзников Фив из центральной Греции выступили остальные аркадяне, лакедемоняне, элейцы, ахейцы и афиняне. См. Хелл., VII, 5, 18—27; Diod., XV, 84—87.

² Согласно другим источникам и показаниям самого Юстина в §§ 11—13, Эпаминонд умер в день сражения. С характеристикой Эпаминонда, приведенной Юстином (§ 2 сл.), ср. Diod., XV, 88,5; Plut., Fab. Max., 27; Ages., 27; Nepos, Epam., 2. С рассказом о смерти ср. Diod., XV, 87, 5—7.

держались воины и гребцы, между городским населением (*urbano populo*)¹. (6) Вследствие всего этого и случилось так, что по вине такой распущенности греков возвысился из ничтожества презренный, никому неведомый народ — македоняне, (7) а Филипп, который три года содержался в Фивах как заложник², воспитавшийся на примерах доблестей Эпаминонда и Пелопида, наложил на всю Грецию и Азию, как ярмо рабства, — господство Македонии.

КНИГА XVII

Гл. 1 (1) Македония называлась раньше Эматией³, по имени царя Эматииона, который первым проявил примеры доблести в этой стране. (2) Территория ее росла очень медленно, и границы ее были крайне тесны. (3) Народ назывался пеласгами⁴, а область — Боттией. (4) Но с течением времени, благодаря доблести царей и энергии народа, Эматия, после того как ею были покорены сперва ее соседи, а потом и другие целые племена и народы, расширилась до крайних восточных пределов. (5) В области Пэонии, являющейся теперь частью Македонии, как говорят, царствовал Телегон⁵, отец Астеропея, имя которого дошло до нас среди имен славнейших защитников города [Трои] во время Троянской войны. (6) По другую сторону, в Европе правил царством Европ. (7) Но вот пришел в Эматию с множеством греков⁶ Каран, получив повеление оракула искать в Македонии место для поселения. Здесь он однажды пошел следом за стадом коз, искавших укрытия от дождя, и захватил город Эдессу так, что ее жители ничего не заметили, так как в то время шел сильный дождь и спустился туман; (8) Каран при этом держал в памяти слова оракула, повелевавшие ему искать власти, имея вожатаями коз⁷. Здесь основал Каран свое царство. (9) Впоследствии Каран свято соблюдал такой обычай: куда бы он ни вел свое войско, впереди боевых знач-

¹ У Помпея Трога речь шла, по всей вероятности, о теориконе, или театральных деньгах, раздача которых началась к концу V в. до н. э. и сумма которых с середины IV в. до н. э. пополнялась за счет всех излишков государственных доходов. См. A. Boeckh, *Die Staatshaushaltung der Athener*, Berlin, 1886, т. I, стр. 274 слл.; A. Andreades, *History of Greek Public Finance*, т. I, Cambridge (Mass.), 1933, стр. 259.

² Ср. ниже, VII, 5, 2 слл. и прим.

³ Позже — название одной из областей Македонии. Ср. Н о м. II., XIV, 226. О ранней истории Македонии см. S. Casson, *Macedonia, Thrace and Illyria*, London, 1926, стр. 260 слл.; F. Geyer, *Makedonien bis zur Thronbesteigung Philipps II München*, 1930; R. Paribeni, *La Macedonia sino ad Alessandro Magno*, Milano, 1947.

⁴ Ср. Ed. Meyer, *Forsch.*, I, стр. 55, прим. 1.

⁵ В других рукописях — Пелегон. Ср. Н о м., Sl., XXI, 140—141, 152—159.

⁶ Традиция об эллинском происхождении македонских царей может быть прослежена нами с V в. до н. э. Согласно версии, приведенной Геродотом (VIII, 137 сл. — ср. — Thucyd., II, 99), македонскую династию основал Теменид из Аргоса Пердикка. Несколько иная версия приведена у Феопомпа (fr. 30, FHG, I, стр. 283; Dio d., VII, fr. 15—17, изд. Loeb'a): легенда о Каране, сыне или брате царя Аргоса Фейдона. Последней версии придерживается и источник Юстина. Во второй половине IV в. до н. э. традиция об эллинских предках Филиппа II стала идеологическим оружием промакедонских кругов в Греции (см. Isocr., V, 32) и, разумеется, была отвергнута Демосфеном (IX, 30—31; ср. III, 16, и т. д.)

⁷ По Диодору (VII, fr. 16, изд. Loeb'a), слова оракула относились не к Карану, а к его потомку Пердикке, который хотел расширить территорию царства. У Юстина, повидимому, использован тот же источник, что и у Диодора (может быть, Феопомп или Эфор).

ков гнали этих коз; он хотел, чтобы при всех его предприятиях перед ним шли те же вожатые, которые доставили ему царство. (10) В память об услуге, оказанной ему козами, Каран назвал город Эдессу Эгами, а народ аргеадами (*Argeadas*). (11) Затем Каран, изгнав Мидаса¹ (который тоже владел частью Македонии), а также других царей, стал править один (12) и был первым, кто, объединив племена разного происхождения (*gentibus variorum populorum*), сделал Македонию единым целым и дал своему растущему государству основу для дальнейшего расширения.

Гл. 2. (1) После Карана правил Пердикка². И жизнь его была славной, и достойна памяти предсмертный его завет, подобный изречению оракула (2). А именно, умирая уже стариком, он указал своему сыну Аргею место, где желал бы быть похороненным. Там же приказал он погребать останки своих преемников и предсказал, (3) что, доколе потомков его будут погребать тут, царская власть сохранится в его роде. (4) Те, веря этому преданию, полагают, что род Пердикки угас в лице Александра потому, что тот переменял место царского погребения. (5) Аргей, правивший царством с умеренностью и пользовавшийся любовью народа, оставил Филиппа своим преемником, который перед своей безвременной смертью назначил своим наследником Аэропа, еще младенца. (6) Но в это время у македонян непрерывно шли войны с фракийцами и иллирийцами. Закалившись в этих боях, точно в ежедневных воинских упражнениях, македоняне внушали своим соседям страх славой о своих бранных подвигах. (7) И вот теперь иллирийцы решили использовать то обстоятельство, что в Македонии царем оказался младенец, и пошли на македонян войной. (8) Когда же македоняне были разбиты [в одной битве], они вынесли своего царя в колыбели, поставили ее сзади своей боевой линии и с ожесточением возобновили бой, (9) как бы считая, что они были побеждены потому, что сражались не пред лицом своего царя, (10) а теперь победят, так как их вера укрепит их волю к победе. (11) В то же время владела ими и жалость к ребенку, который, как казалось им, по их вине превратится из царя в пленника, если они будут побеждены. (12) Итак, снова завязав сражение, они в жестоком бою рассеяли иллирийцев и этим доказали своим врагам, что и в предыдущем бою македонянам не мужества не доставало, а царя. (13) Аэропу наследовал Аминта³, широко прославившийся и собственной доблестью и исключительными дарованиями сына своего Александра. (14) Александр обладал столькими прирожденными талантами, что даже на Олимпийских играх⁴ он участвовал в разного рода состязаниях.

Гл. 3. (1) Между тем персидский царь Дарий был вынужден позорно бежать из страны скифов⁵, и, чтобы его не стали презирать за его военные неудачи, он послал с частью своих войск Магабакса для покорения Фракии и других царств в этой местности; к ним Дарий намеревался присоединить, как незначительную придачу, и Македонию. (2) Магабакс в короткий срок выполнил приказание царя, а к македонскому царю Аминте отправил послов и потребовал выдать себе заложников в обеспечение мира на будущие времена. (3) Послы были приняты [царем] радушно. Во время пира,

¹ О пребывании в Македонии легендарного фригийского героя Мидаса см. также Нег., VIII, 138.

² С генеалогией ранних македонских царей, приведенной в этой главе, ср. *Diod.*, VII, fr. 15, 1—2 (изд. Loeb'a) и Нег., VIII, 139 (Геродот начинает перечень с Пердикки). Из списка Диодора у Юстина отсутствуют два преемника Карана (Кэн и Тиримм), а также Алкет, предшественник Аминты I. Начало экспансии македонян на восток к морю принято относить к началу VII в. до н. э. (см. S. Casson, ук. соч., стр. 175 сл.; F. Geyer, ук. соч., стр. 38 сл.; K. Beloch, *Gr. Gesch.*, I, ч. 1, стр. 341).

³ Речь идет об Аминте I, который умер ок. 495 г. до н. э.

⁴ См. Нег., V, 22.

⁵ О походе Дария в Скифию см. выше, II, 5, 9 сл. Рассказ об убийстве послов взят, повидимому, у Геродота (V, 17—20).

все больше пьянея, они стали просить царя, чтобы на этом пышном пиру он доказал им и свое дружественное отношение к ним и пригласил пировать вместе с ними своих жен и жен своего сына, так как у персов это считается залогом и знаком заключения союза гостеприимства. (4) Женщины эти пришли на пир. Когда же персы крайне нагло стали их тискать, сын Аминты Александр попросил отца, чтобы тот из уважения к своему возрасту и достоинству ушел с пира, и обещал отцу, что он положит конец выходкам гостей. (5) Когда Аминта ушел, Александр отозвал с пира якобы на короткое время и женщин под тем предлогом, что хочет нарядить их еще изящнее и привести назад еще более очаровательными. (6) Но женщин он подменил молодыми людьми, пышно одетыми в женские наряды и приказал им унять наглость послов книжалами, спрятанными под одеждой. (7) Все послы были убиты. Магабакс об этом ничего не знал; но так как послы не возвращались, он послал в Македонию с частью своего войска Бубара, полагая, что это будет легкая и незначительная военная экспедиция, (8) и считая ниже своего достоинства самому вести войска, чтобы не обесчестить себя, сражаясь с таким презренным племенем. (9) Но Бубар, раньше чем началась война, влюбился в дочь Аминты, забыл о войне и, отложив всякую вражду, женился и стал свойственником [царя].

Гл. 4. (1) После ухода Бубара из Македонии царь Аминта скончался. Сыну его и приемнику Александру¹ родство с Бубаром не только обеспечило мир во время правления Дария, но Бубар расположил в его пользу и Ксеркса настолько, что когда тот, подобно буре,² пронесся над Грецией, он даровал Александру власть над всей областью между горами Олимпом и Гемом. (2) Но Александр увеличил свои владения не в меньшей степени благодаря своей собственной доблести, чем благодаря щедрости персов. (3) Затем по порядку наследования царская власть перешла к Аминте², сыну брата Александра — Менелая. (4) Этот царь был также замечателен своей энергией и обладал всеми достоинствами полководца. (5) От Евридики у него было три сына: Александр, Пердикка и Филипп, отец Александра Великого Македонского, и дочь Евриноя; от Гигеи же у Аминты были сыновья Архелай, Арридей и Менелай. (6) Аминта вел тяжкие войны с иллирийцами и олинфянами. (7) Он также мог погибнуть от коварных козней своей жены Евридики, которая договорилась со своим зятем о том, что выйдет за него замуж, убив мужа, а царство передаст ему, своему любовнику; однако дочь донесла и о прелюбодеянии своей матери и об ее преступном замысле. (8) Избавившись от стольких опасностей, Аминта скончался в глубокой старости, передав свое царство старшему из своих сыновей — Александру.

Гл. 5. (1) В начале своего царствования Александр откупился от войны с иллирийцами, договорившись с ними о размере выкупа и дав им в заложники брата своего Филиппа. (2) Спустя некоторое время он установил дружеские отношения и мир с фивянами, отдав им в заложники того же Филиппа³. Это обстоятельство оказало огромное влияние на развитие выдающихся природных способностей Филиппа, (3) ибо он пробыл три года в качестве заложника в Фивах; в этом городе, где господствовала древняя суровость нравов, в доме величайшего философа и полководца Эпаминонда он еще мальчиком получил прочные основы воспитания. (4) Спустя немного времени

¹ Александр I правил ок. 495—450 гг. до н. э. Македонские войска сражались в армии Ксеркса в 480—479 гг. до н. э. (Н е г., VII, 185, 2; IX, 31, 5). О доверии персов к Александру ср. Н е г., VIII, 136. Юстин не упоминает о значительной помощи, тайно оказанной Александром грекам во время вторжения Ксеркса и при битве при Платеях, — см. Н е г., VII, 173; IX, 44—46.

² После Александра I правил Пердикка II (ок. 450—413 гг. до н. э.) и Архелай (413—399 гг. до н. э.). После смерти последнего кровавая борьба за власть продолжалась около семи лет: до того момента (ок. 393 г. до н. э.), когда царем стал Аминта III (о нем и идет речь в данном месте у Юстина). После смерти Аминты (370 г. до н. э.) борьба возобновилась.

³ Ср. Dio d., XV, 67, 5; XVI, 2; Plut., Pelop., 26.

Александр пал жертвой козней матери своей Евридики, (5) которую Амвнта, уличив в преступлении, некогда пощадил ради своих детей от нее, не зная в то время, что она станет убийцей этих же детей. (6) Брат Александра Пердикка¹ равным образом оказался жертвой ее преступных козней. (7) Поистине отвратительно, как эта мать в угоду своей похоти лишала жизни тех самых детей, жалость [отца] к которым спасла ее от кары за ее преступления. (8) Убийство Пердикки кажется тем более гнусным, что у матери даже ее малютка-сын не вызвал чувства сострадания. (9) Поэтому Филипп долгое время правил не как царь, а как опекун ребенка. (10) Но когда стране стали грозить все более страшные войны, а ждать, пока подрастет дитя, было бы слишком долго, Филипп под давлением народа принял царскую власть².

Гл. 6. (1) Когда Филипп принял власть (*ingressus imperium*)³, все возлагали на него большие надежды, как вследствие собственных его дарований, которые предвещали в нем великого человека, так и вследствие старинного прорицания, которое гласило, (2), что в царствование одного из сыновей Амвнты царство македонское пышно расцветет. Преступления матери оставили в живых только одного из всех тех, на кого могли возлагаться эти надежды. (3) В начале его правления этого новичка [на престоле] многое удручало: гибель преступно умерщвленных братьев, и множество врагов, и страх перед кознями, и нищета истощенного постоянными войнами царства. (4) С разных сторон множество народов одновременно, точно составив какой-то заговор против Македонии, пошли на нее войной. Так как Филипп не мог одновременно справиться со всеми, (5) то он решил, что надо избавиться от них поодиночке: одних врагов он успокоил заключением с ними договора, от других откупился деньгами, а на более слабых напал и победой над ними ободрил своих лавших духом воинов и заставил врагов изменить их презрительное отношение к нему. (6) Прежде всего он сразился с афинянами⁴, победил их при помощи военной хитрости и, хотя мог убить их всех, но, боясь навлечь на себя более грозную войну, отпустил их невредимыми и без выкупа. (7) После этого Филипп перенес войну в Иллирию и истребил там многие тысячи врагов, [а также взял знаменитейший город Лариссу]⁵. (8) Отсюда он внезапно напал на Фессалию, где ничуть не ожидали войны, причем напал не из жадности к добыче, а потому что страстно желал присоединить к своему войску мощную фессалийскую конницу; [там он взял знаменитейший город Лариссу]; (9) и создал единое непобедимое войско из пехотных и конных полков.⁶ (10) В то время, как дела Филиппа шли так успешно, он взял себе в жены Олимпию, дочь Неоптолема, царя молоссов. (11) Устроил этот брак опекун девушки, ее двоюродный брат по отцу, царь молоссов Арриба, женатый на сестре Олимпии — Троаде. Для Аррибы это было причиной его падения и всех его несчастий⁷. (12) Арриба рассчитывал, что благодаря свойству с Филиппом он увеличит свое государство, но этим самым Филиппом он был лишен своего собственного царства и сослан в изгнание. (13) После того как Филипп довел так свои дела, он уже перестал довольствоваться тем, чтобы отражать нападе-

¹ Пердикка III правил с 365 по 359 г. до н. э. По Д и о д о р у (XVI, 2), он был убит в сражении против иллирийцев.

² Ср. D i o d., XVI, 2; A t h e n., XI, 506 E.

³ О положении Македонии в начале правления Филиппа II — см. D i o d., XVI, 2—4.

⁴ Речь идет о поражении афинян около Мефоны в конце 359 г. до н. э.; ср. D i o d., XVI, 3; D e m., XXIII, 121.

⁵ Место испорчено переписчиками или самим автором допущена ошибка. Город Ларисса находился в Фессалии. Поэтому Ruehl переносит взятые в скобки слова несколько ниже, в следующий параграф.

⁶ Ср. D i o d., XVI, 14.

⁷ См. ниже, VIII, 6, 4 сл.

ния врагов, а, напротив, сам стал совершать нападения. (14) Когда он штурмовал город Мотону¹ и сам шел впереди войска, пущенная со стены стрела пронзила ему правый глаз. (15) От этой раны он не стал ни менее воинственным, ни более суровым по отношению к своим врагам; (16) так что, когда он спустя некоторое время по просьбе врагов, заключил с ними мир, он показал себя по отношению к побежденным не только умеренным, но даже милосердным.

---

¹ Осада и взятие города падают на 355—354 гг. до н. э.; ср. Dio d., XVI, 34, 34.